

ОКУНИСЬ В МИР ТАЙН, ГДЕ ВСЁ
НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ, И ЦАРИТ МАГИЯ...

ТАЙНА

ПРОПАВШИХ

ДЕТЕЙ

Дженни Спэнглер
Иллюстрации Криса Моулда

#эксмогетто

Дженни Спэнглер
Тайна пропавших детей
Серия «Фэнтези для подростков»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67302458
Дженни Спэнглер Тайна пропавших детей:
ISBN 978-5-04-166820-4

Аннотация

Мадам Августина Пинчбек путешествует по стране, ВЫЗЫВАЯ ДУХОВ... за умеренную плату. Скажем честно: эти способности – ИГРА ДЫМА И ЗЕРКАЛ, но есть у неё ОДИН СЕКРЕТ. С помощью магии мадам Пинчбек завладевает душами детей и держит их в пленниках, заставляя помогать в тёмных делишках. Чтобы обойти ПРОКЛЯТИЕ, ребятам придётся не только объединиться, но и ответить на вопрос: что лучше – СВОБОДА или относительно тихая жизнь под крылышком у мадам? И если друзьям не хватит решимости вырваться, то ОДИН ИЗ НИХ ИСЧЕЗНЕТ НАВСЕГДА...

Содержание

1	9
2	23
3	36
4	54
5	66
6	75
7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дженни Спэнглер

Тайна пропавших детей

Jenni Spangler

THE VANISHING TRICK

© 2020 Jenni Spangler

Illustrations Copyright © 2020 Chris Mould

Published by arrangement with Simon & Schuster UK

An imprint of Simon & Schuster Children's Publishing
Division

1230 Avenue of the Americas, New York, NY 10020

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system without permission in writing from the Publisher.

© Дубинина А.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Шарлотта

Суровая
на первый взгляд
Шарлотта вели-
кодушна и добра,
хоть и старается
это тщательно
скрывать. Её
прошлое хранит
тайну, разгадка
которой может
спасти всех.

Леандер

Наш герой.
Леандер — одино-
кий сирота.
Мальчик ворует,
чтобы выжить.
Мадам Пинчбек
заманивает его
в свои сети
обещаниями
обрести новый
дом и семью.

Феликс

Преданный
и добрый. Музыка
и поиски про-
павшего брата
Айзека — вот
что больше всего
занимает мысли
Феликса. Но как
далеко он готов
зайти, чтобы
найти Айзека?..

Мадам Пинчбек

Идеальная
злодейка. Она
сильна и могу-
щественна. Мадам
может обеспечить
тебе жизнь
в безопасности,
но... какой
ценой?

Посвящается Т. К.

1

Дурак: слабоумие и отвага *Как всё это началось*

Вовсе и не грешно воровать, если тащить только то, что никому не сдалось.

Леандер несколько часов сверлил взглядом сквозь стекло витрины самый уродливый мясной пирог в булочной. Пирог умудрялся одновременно быть кривым и сплюснутым. Неудивительно, что посетители дружно игнорировали его, предпочитая пышные булки, золотистые пирожки с яблоками и песочное печенье, блестящее кристалликами сахара. Наконец пирог на витрине и вовсе остался один, никому не нужный и заброшенный.

Леандер отлично понимал, как тот себя чувствует.

Он крутился у дверей и то и дело вдыхал ароматный тёплый воздух булочной, когда очередной посетитель переступал порог. От запаха свежей выпечки живот его рычал от голода. На улице темнело, прохожие спешили туда-обратно по мощёной улице, зябко кутаясь в плащи и туже запахивая шали, чтобы не так мёрзнуть. Ну всё, уже слишком поздно, пирог точно никто не купит.

В конце концов, расточительно выбрасывать добро на помойку – тоже грех, а Леандер так ужасно проголодался.

Он честно пытался найти работу, но никто что-то не спешил нанять к себе сироту в обносках, без всякого школьного образования и без единого поручителя за его характер. Иногда чудом удавалось выручить несколько медяков за подённую работу. На прошлой неделе он потратил два дня на чистку нетопленного свинарника – жуткая работёнка, зловонная, тяжёлая, на холоде, – и всё ради того, чтобы хозяйка сообщила, что свинарник вычищен не слишком хорошо, и заплатила ему всего половину от уговорённой суммы. С тех пор ему не случилось заработать ни гроша. Люди почему-то постоянно подозревали, что он замышляет нечто скверное, даже когда намерения его были чистейшими. Но что поделаешь, если, чтобы не умереть от голода, приходится воровать? Голод и честность постоянно сражались друг с другом за его душу, и почти всегда побеждал голод. Вглядываясь через мутное от тёплого пара стекло, Леандер дождался, пока жилистый пекарь развернётся спиной к двери, и стрелой метнулся в булочную. Схватил пирог, затолкал его в карман и ринулся прочь.

– Эй! Куда?!

Он мчался по улице и слышал за спиной топот разгневанного булочника. Леандер на бегу врезался в двух джентльменов в цилиндрах и едва успел уклониться, чтобы не налететь на старушку с тростью. Перебежал дорогу, едва не попав под колёса экипажа.

– Куда прёшь! – гневно крикнул ему вслед возница.

– Вор! Держите вора! – вопил булочник, который всё не отставал, следуя за Леандером по пятам.

Леандер перепрыгнул через оградку и завернул за угол. Если его поймают, он заработает порку, а то и похуже – попадёт в лапы закона. Он в панике мчался по узкому грязному переулку, из-под ног во все стороны прыскали крысы.

Впереди из низких окон лился тёплый свет: большой переполненный каба́к. Если парень будет ловок и быстр, удасться оторваться от преследователя, затеряться в толпе. Он рванул дверь пивной на себя, задыхаясь, с колотящимся сердцем.

– Потише, сынок, потише! – это Леандер чуть не врезался в дядьку с полными руками пивных кружек.

– Простите! – Воришка перепрыгнул через вытянутые ноги спящего за столом пьянчуги и протиснулся между столиками. К счастью, для своих лет он был на удивление тощим и маленьким. Воздух в кабаке был наполнен клубами пара, табачным дымом и кислым запахом старого пива. Он поднырнул под локоть ещё одного пьяницы, оттолкнул с дороги перевёрнутый стул.

В этот миг в пивную ворвался булочник. До чего быстрый папаша.

Леандер нырнул под ближайший стол и продолжил путь уже по полу, ползком мимо грязных ботинок посетителей и лужиц пролитых напитков. Уф, похоже, всё-таки ушёл, а ведь едва не попался! Наконец добравшись до дальней

стены, он выскользнул сквозь низенькую чёрную боковую дверь, которая выводила в пристроенный к кабаку каретный сарай.

Его пылающие щёки охладил ночной зябкий воздух. Сарай оказался просторным, с деревянными балками под потолком и сладким запахом сена. Однако ворота сарая были заперты изнутри на засов и тяжёлую цепь: наружу не выбраться. Справа Леандер увидел ряды денников – может, попробовать спрятаться там? Нет, слишком опасно – лошади разволнуются и его выдадут.

И тут он заметил ровно то, что нужно: угольно-чёрный экипаж, пустой, без коня, терпеливо ожидающий, когда вернётся его владелец. Идеально! Леандер рывком распахнул дверцу экипажа и запрыгнул внутрь.

Первым делом его поразил запах – сухой и резкий и в то же время влажный и затхлый. Пахло будто одновременно прелыми листьями из-под таявшего снега, старыми книгами, сосновой смолой и тухлым мясом.

С потолка экипажа свисали котелки, горшочки, связки трав, задевавшие его голову мягкими кистями. Вдоль стены экипажа имелась скамья, покрытая плешивым ковром и пыльными покрывалами. Противоположная стена была сверху донизу покрыта полками, полочками, выдвижными ящичками – некоторые были открыты, и за дверцами виднелись какие-то листья, перья, деревянные ложки, набитые в совершеннейшем беспорядке. Всё прочее пространство бы-

ло занято ветхими полками, заполненными картами, бумагами, флакончиками с мутными жидкостями, и даже – Леандер не сразу поверил и наклонился исследовать самый пузатый кувшин повнимательнее – неужели и правда крысиный скелет? Кому может прийти в голову хранить подобную гадость?

Снаружи послышался шум – в сарай кто-то вошёл.

По полу простучали шаги. Не тяжёлый топот пекаря – совсем другие шаги, твёрдые и звонкие.

Вот же он болван! Прежде чем лезть в карету, нужно было убедиться, что тут точно никого нет. Если кто-нибудь заметил, что он забрался в чужой экипаж, вот теперь у него начнутся настоящие проблемы.

– Кто здесь? – произнёс женский голос из дальнего угла. – Кто залез в мою коляску?

Сердце Леандера бешено колотилось. Кем бы ни была хозяйка подобного набора странных и зловещих предметов, он был уверен, что не хочет с ней знакомиться. Он стремительно выскочил наружу, кубарем прокатился по каретному сараю и спрятался за опорой крыши, прижавшись к ней спиной.

– И что у нас тут за воришка?

Цок, цок, цок, простучали каблуки. Шаги медленно приблизились. Кровь отчаянно стучала у Леандера в ушах. В нетопленном сарае его дыхание выходило изо рта облачками пара.

– Покажись. Я же знаю, что ты здесь. Я чувствую твой запах.

Вне поля зрения топтались в денниках встревоженные лошади, Леандер слышал шорох соломы, перестук копыт по камню.

– Ну же, не стоит быть таким стеснительным. – В голосе женщины зазвучали нотки смеха. Она обошла свою повозку и приблизилась к укрытию паренька.

За дверью, ведущей обратно в трактир, слышался сердитый голос булочника, становившийся с каждой секундой всё громче. Если Леандер продолжит здесь стоять, пекарь увидит его сразу же, как только откроет дверь. Если выскочит – столкнётся лицом к лицу с хозяйкой экипажа. Он чувствовал себя лисёнком, которого со всех сторон обложили гончие.

Нужно было думать стремительно. Леандер бросился на пол и нырнул под дно экипажа, чувствуя, как в кармане его окончательно раздавился злосчастный пирог. Перекатившись под коляской, он плотно прижался к заднему колесу и замер. Дверь трактира со стуком открылась.

– Ну, попадись ты мне, паршивец, я тебя! – проревел булочник – и запнулся на середине фразы, заметив женщину. – Прощения прошу, мэм. Сюда, случайно, не забегал мальчишка?

Сердце Леандера отчаянно сжалось. Вот-вот его выволокут наружу и...

– Нет, – отозвался женский голос. Она шагнула вперёд и

расправила подол своего длинного платья так, чтобы он прикрывал жалкое укрытие мальчика. – По крайней мере я никого не видела.

Леандер теперь хорошо видел её ноги в изящных башмачках, подол юбки – шикарная голубая ткань. По этому наряду и по манере речи можно было безошибочно сказать – эта дама не из бедняков.

– Это воришка, – отдуваясь, продолжал настаивать пекарь. – Я ловлю воришку. Вот такой высоты примерно, маленький, грива длинная, штаны короткие.

– Уверяю вас, я здесь совершенно одна и никого не видела. Леандер ничего уже не понимал. Зачем бы этой даме врать, чтобы его выручить?

– Ну ладно, коли так, – вздохнул тем временем булочник. – Извините, что потревожил.

– Ничего страшного. – Хитрая бестия этот гадёныш, – пояснил пекарь смущённо. – У меня уже давно товары пропадают, а сегодня я впервые увидел, кто их таскал всё это время.

– Вот как? – неопределённо отозвалась дама. – А то. Так что вы, мэм, следите за кошельком и всем прочим – где-то тут поблизости крысёныш ошивается. – Спасибо, что предупредили.

Тяжёлые шаги пекаря удалились. Мальчик услышал стук закрываемой двери.

– Так, значит, ты вор? – протянула дама. – Давай-ка, живо

вылезай.

Ну уж нет! Леандер как можно тише прополз под днищем экипажа и выбрался на противоположную сторону – только чтобы обнаружить странную даму, поджидавшую его лицом к лицу. Она была высокой, так что грозно нависала над мальчиком. Чёрные волосы её были подняты в высокую причёску и увенчаны ярко-зелёной шляпкой. Хотя её без труда можно было назвать красивой, её окружала странная атмосфера холода – не теплее, чем кусачий ноябрьский ветер.

– Что ты делал в моей коляске? – спросила она, Впрочем, без особого гнева.

– Ничего. Это... не я. – Он попробовал отшагнуть в сторону, но дама преградила ему путь.

– Тебе не обязательно лгать. А вот объясниться – обязательно.

Она подошла так близко, что голубой атлас её платья касался голых икр мальчишки. Ещё на полфута ближе – и она ему ноги отдавит. Леандер напряжённо вглядывался в неё – что-то тут было не так, во всём происходящем. Почему экипаж такой изящной богатой госпожи битком набит старыми перьями, костями и прочей дрянью? И зачем ей понадобилось спасать его от булочника, от верной трёпки?

– Я ничего такого не делал, – выговорил он наконец, пожимая плечами. – Просто смотрел.

– А если я проверю, что у тебя в карманах?

– Да проверяйте, пожалуйста. – Он вздёрнул подбородок.

– Со лгунами и ворами порой происходят ужасные вещи, малыш, – голос дамы был музыкальный, губы изогнулись в улыбке.

Глаза их встретились, и несколько секунд ужасного молчания Леандер не осмеливался отвести взгляд. Казалось, что эта дама глядит ему прямо в душу, отыскивая в ней чёрные пятна, и видит каждый грех, который он успел совершить за свою недолгую жизнь.

– Что это у тебя на шее, дитя? – голос дамы оставался спокойным и беззлобным. – Что-то, принадлежащее мне?

– Нет. Я честно ничего не брал. – Как только она хоть на миг отвернётся, он сдёрнет отсюда со всех ног! Ну да, она отчего-то его защитила, но Леандер ни на секундочку не доверял этой странной леди с её странным экипажем. Он отчаянно мечтал только об одном – оказаться где-нибудь в безопасном месте и слопать уже наконец свой пирог.

– Не бойся, я тебя не накажу. Покажи мне эту вещь.

При этом смотрела на его шею, как голодная волчица, готовая вцепиться зубами. Леандер, не смея спорить, вытащил медальон из-за ворота старой льняной рубашки.

– Это просто...

– Это просто досталось тебе от матери, – завершила она раньше, чем мальчик успел договорить. Тот задохнулся.

– Откуда вы узнали?

– И да, конечно, – продолжала она с каким-то мечтательным выражением лица. – Теперь понятно. Ни матери, ни от-

ца. Ты круглый сирота?

Леандер ни слова не мог выдавить. Что это за ведовство такое?

– Один во всём мире. – Дама протянула руку и провела ему по щеке рукой – лёгкой, словно пёрышко. – Никому не нужный.

Леандер вздёрнул подбородок, обидевшись, хоть она и говорила чистую правду.

– Я могу и сам о себе позаботиться.

– Можно? – Не дожидаясь ответа, она уже наложила на медальон пальцы. Наклонилась, чтобы лучше видеть, и Леандера обдало ароматом лаванды и фиалок. – Как интересно...

Мальчик вырвался из её цепкой руки.

– Мне нужно идти.

– Ты несчастен и одинок, – сказала она. – Я кое-что знаю о несчастьях и одиночестве, поверь мне. Я могла бы тебе помочь.

– Мне помощь не нужна. – Леандер знал таких дамочек, которые изображают из себя добреньких, чтобы насладиться своим благочестием. Не сдалась ему её жалость. Ну да, он был один на свете, но одному ему просто отлично. Никто его не проведёт, не поймает на эту удочку. Чужие люди заботятся только о самих себе, ну и пускай.

Дама рассмеялась:

– Думаю, помощь всё-таки нужна. Ты можешь мне дове-

риться. Мне кажется – или ты очень голоден?

А с другой стороны... Может, если он сейчас её разжалобит, она ему даст еды или даже денег. Можно попробовать побыть с ней милым, изобразить доверие – и сразу сбежать, если что пойдёт не так.

– Как ты, наверное, заметил, я собираю коллекцию редкостей и безделушек. – Она жестом указала на свой экипаж.

Хорошенькие редкости! Крысиный скелет вряд ли заслуживал определения безделушки... Но Леандер, конечно, прикусил язык и промолчал.

– Я могла бы в виде благотворительности купить твой медальончик, – продолжила дама. – Нет сомнений, что деньги тебе очень нужны.

– Может, вы бы просто так могли мне дать пару монет? – Леандер попытался изобразить кроткого сиротку, улыбнуться.

– Вот же упрямый малыш. – Она снова засмеялась. – Нет, настолько далеко моя благотворительность не распространяется. Только честная сделка. Без глупостей.

Мысль Леандера бешено работала, просчитывая варианты. Он уже давно заложил материны башмаки и тёплое пальто, продал её горшки и кастрюли, даже её простыни отдал старьевщику. Медальон – последнее, что у него осталось от мамы. Если он и его продаст... Тут всё и кончится. Как будто она никогда и не жила на свете. От одной мысли об этом на глаза мальчика навернулись слёзы. Ну уж нет. С медальоном

он не расстанется ни за что. Просто не сможет. В этот миг, словно напоминая ему о суровой реальности, его пустой живот испустил громкое урчание. Разве у него на самом деле есть выбор? Работу он найти не способен, денег взять неоткуда, и чем чаще он крадёт, тем больше опасность в конце концов попасться. Вот сегодня удалось проскочить в волоске от поимки, но однажды его воровская удача просто иссякнет, и что тогда?

– Это не настоящее золото, – зачем-то сказал Леандер. Дурень, зачем?..

– Конечно, не настоящее. Просто у меня доброе сердце, а твоя подвеска мне приглянулась.

– Я не...

– Конечно, тебе тяжело расстаться с памятью о матери, – продолжала она. – Но твоя мать бы тебя поняла. Она предпочла бы видеть тебя сытым. Неужели она хотела, чтоб ты так голодал?

А Леандер ведь действительно голодал. Вот прямо сейчас был таким голодным, что от одних слов о еде живот словно к спине прилип. Этот расплюснутый мясной пирог надолго ему не поможет. Последний пенни он потратил три дня назад – на миску горохового супа и горячую картофелину. Всё, что он съел за вчерашний день, – это три побитые о землю осенние груши, которые удалось подхватить в чьём-то саду, перебравшись через забор. Как давно он не был по-настоящему сытым?

– Застёжка медальона работает? – спросила тем временем дама. – Он открывается?

Леандер кивнул. Вообще сегодня не такой уж скверный день, в конце-то концов: думал, попадётся на воровстве, а взамен получил способ по-честному получить какие-то деньги. Но мамин медальон... Как же не хочется...

– Я уверена, что цена тебя вполне устроит. Как насчёт десяти шиллингов?

Десять шиллингов! Ничего себе! Леандер не мог толком вспомнить, когда он в последний раз и один-то шиллинг в руках держал.

Вдруг за спиной дамы за приоткрытой дверцей экипажа мелькнула детская фигурка – девочка. Леандер сперва глазам своим не поверил. Откуда она взялась? Миг назад там никого не было... Однако же девочка прижала пальчик к губам, прося его не произносить ни звука. Может, она тоже из уличных, пытается что-нибудь украсть? Но нет, она была слишком хорошо одета, слишком ухоженная... Может, это дочь леди в голубом? Лет ей на вид было примерно сколько Леандеру, которому одиннадцать, а волосы у неё были такими же чёрными, как у странной дамы.

– Итак, шесть, семь, восемь... – Дама отсчитывала монетки, вынимая их из крошечной вышитой сумочки. – Что скажешь, малыш?

Девочка на ступенях коляски бешено замотала головой и одними губами беззвучно выговорила: «НЕТ». На лице её

читалась настоящая паника.

Странное поведение девочки привело Леандера, зачарованного блеском монет, обратно в чувство. Он что, всерьёз собирался продать последнее, что у него осталось от мамы?!

– Нет, – твёрдо выговорил он.

Лицо женщины резко помрачнело.

– Вы очень добры, мисс, но я не могу вам продать медальон, – повторил мальчик решительно.

Дама резко выпрямилась, оскалила зубы:

– Глупец. Маленький глупый упрямец. Ладно, если всё же передумаешь, я намерена пробыть здесь до утра. Спросить у трактирщика номер мадам Пинчбэк.

Неужели правда? Она собиралась просто его отпустить, и всё?..

Леандер дёрнул головой, чтобы взглянуть на девочку. Это движение встревожило даму, и та резко обернулась.

– Как ты смеешь? – Она сделала заполошное движение в сторону малышки, и та мгновенно скрылась в экипаже, захлопнула дверцу.

Леандер воспользовался моментом и дал дёру.

2

Колесница: *враждующие силы, поспешные решения*

Перевалило за десять вечера, когда Леандер, продрогший и грязный, наконец добрался до особняка Литчфилдов. Свет уже погасили, только в одном окне флигеля прислуги горела тусклая свеча. В этот час все до последней судомойки уже сладко спали, одна только проклятушая экономка, миссис Смарт, наверняка до сих пор ждала его возвращения. Нужно было как-то осторожно её обойти, избежать встречи. Он не хотел так рисковать – потому что на этот раз вернулся с пустыми руками.

Леандер прожил в Литчфилд-Хаусе последние четыре года. Они с мамой переселились сюда почти сразу после смерти отца. Это будет для нас началом новой жизни, говорила мама, когда ей удалось устроиться в особняк кухаркой. Хозяин особняка, лорд Литчфилд, даже позволил им с сыном заселиться в маленький коттедж садовника, так как садовника здесь больше не было. Когда-то тут работали не менее сотни слуг, но лорд Литчфилд их всех уволил, кроме шестерых самых необходимых, примерно за год до того, как к

нему нанялась мама Леандера. И всё равно денег не хватало, особняк на глазах разрушался, потому что некому было поддерживать его в приличном состоянии. Мальчик без особого труда напролом прошёл давно засохший лабиринт из кустов, мимо мёртвого фонтана, а дальше через огород, побитый гусеницами и заросший сорняками.

В голове паренька снова и снова прокручивались события нынешнего вечера. Он едва не искусился продать медальон своей матери той непонятной женщине. Что вообще с ним случилось, что творилось у него в голове? Если бы не девчонка, появившаяся словно ниоткуда, он бы так и распростился с медальоном – с последним маминым подарком, последним, что у него от неё осталось, и всего за какие-то несчастные десять шиллингов! Он зажмурился и попробовал представить себе маму – как она смеялась, шутила с ним, чистя свежий горошек, или, наоборот, ворчала, что сынок испачкал пол грязными ботинками. С каждым днём становилось всё труднее вспомнить её лицо, её голос. То, какая она была.

Мама умерла полгода назад, и почти сразу же на её место лорд нанял новую кухарку, которая заняла их бывший коттедж. Не зная, куда ему теперь податься, Леандер нашёл убежище в библиотеке особняка – тёмном и пыльном помещении, тихом уголке, в который никто никогда и не заглядывал. Сюда он каждую ночь приходил спать. Не то чтобы это хоть немного напоминало настоящий дом, но другого крова у мальчика не было. Довольно долго ему удавалось сохра-

нять своё присутствие в тайне, но пару месяцев назад на него при уборке наткнулась миссис Сمارт – и с тех пор он был вынужден платить ей за молчание. Он платил – а она не докладывала лорду, что, оказывается, под его кровом обитает маленький нищий сирота. Как-то раз, когда он отказался отдать ей последний пенни, она наказала его тем, что выгребла из подсобки и сожгла его бедную постель из груды одеял.

Десять шиллингов обеспечили бы ему горячую еду в течение целой недели, и ещё осталось бы чем заплатить миссис Сمارт за прикрытие. Но даже с учётом всего этого... медальон был ему слишком дорог.

Леандер промчался по давно не стриженной лужайке, забежал за угол особняка и забрался на карниз четвёртого справа окна. Он привычно раздвинул ставни, поднял оконную раму и спрыгнул на половицы. Потом замер на миг, чутко прислушиваясь. Вроде бы всё тихо.

Он прокрался на цыпочках через библиотеку, радуясь, что битые молью ковры заглушают его шаги.

Усевшись в любимом уголке, Леандер выскреб из кармана остатки немало пережившего за сегодняшний день пирога и начал разбирать это месиво жадными пальцами. Отложил отдельно слипшиеся комочки мяса, прежде чем начать запихивать в рот тесто. Оно было такое вкусное, масляное и солёное – и кончилось до безобразия быстро.

Леандер вывернул карман, ещё разок проверив его на наличие крошек, потом попробовал его вылизать – он перепач-

кался жиром и чудесно пах, да только на вкус отдавал плесенью.

— А вот и ты наконец, маленький свинёныш. — За его плечом, словно из ниоткуда, выросла миссис Смарт. Интересно, как долго она пряталась тут в темноте, поджидая жертву? — Думал, сумеешь пробраться в постельку незамеченным, не отдав мне своего долга?

В ярком лунном свете, лившемся из окна, все острые углы её фигуры и впадины на щеках выглядели ещё более зловещими, чем обычно. Она, как обычно, была одета в платье цвета серой черепицы, какой кроют крыши, волосы стянула на затылке в тугой пучок, что не добавляло её лицу ни мягкости, ни теплоты.

— У меня сегодня ничего нет. — Мальчик встал, чтобы стать хоть немного повыше. Он и так ужасно устал этим вечером, на сражение с экономкой сил просто не оставалось. Почему, почему просто нельзя оставить его в покое, дать ему жить?

— Ни на секунду не верю тебе, гадкий лягушонок. Ты просто выше того, чтобы платить за аренду, вот как ты думаешь, верно? После того, как я благородно позволила тебе остаться здесь и не выставила взащей!

— У меня сегодня не нашлось никакой работы.

— Не можешь оплачивать жильё — проваливай в рабочий дом. — Экономка распрямилась во весь свой немалый рост. — Я не для того целыми днями гну спину, чтобы обеспечивать

шикарные апартаменты отребью вроде тебя. Или ты завтра приносишь деньги, или выметаешься отсюда с концами.

– Я вас не боюсь, – громко сказал мальчик, стараясь, чтобы его голос звучал храбрее, чем он себя на самом деле чувствовал. Она ведь не собиралась его и вправду завтра выставить, верно? Ей ведь нравилось получать от него деньги, пусть и реже, чем хотелось. Более того, ей нравилось иметь под рукой кого-нибудь, кого можно безнаказанно шпынять. Не так давно экономка стояла во главе огромного штата слуг, а теперь кое-как справлялась в рассыпающемся на глазах пустом доме, и все, кто оставался у неё под началом, – это единственная кухарка и несколько служанок. Даже покричать не на кого. Леандеру-то такое положение вещей было выгодно: в доме, набитом слугами, ему бы не удалось спрятаться и так долго прожить незамеченным. Но он подозревал, что миссис Сمارт иначе относится к текущей ситуации и ровно из-за неё стала такой злоющей.

Но всё равно её слова о работном доме не могли его не пугать до дрожи. Он слышал о жутких порядках в этом заведении. Он терпеть не мог мерзкую старую каргу, которая его тиранила, но куда больше ужасала перспектива щипать в работном доме паклю, раздирая в кровь пальцы.

– А зря не боишься, мальчишка, – грозно процедила она. – Значит, так, завтра ты приносишь деньги – или я доношу на тебя хозяину. Он не будет в восторге узнать, что уже столько времени по его родовому поместью тайно шныряет малень-

кий оборвыш и воришка!

С этими словами она выплыла из библиотеки обратно в тёмный коридор.

Леандер забрался на пустую книжную полку, которую последнее время использовал как кровать, и опустил голову на скатанный мешок из-под зерна, который служил ему подушкой. Полка была жёстче, чем ковёр на полу, и слишком коротка, чтобы на ней было можно вытянуть ноги, однако же замкнутое пространство давало ему чувство укрытия, защищённости – насколько вообще можно быть защищённым в этом поганом мире. Сперва он испытывал только облегчение, что хотя бы на эту ночь миссис Сمارт от него отстала, но постепенно его начало одолевать совсем другое чувство.

Да как эта старая ведьма вообще смеет говорить о роскошных апартаментах? Попрекать его тем, что она гнёт спину, чтобы обеспечивать ему приют?!

Миссис Сمارт отлично знала маму Леандера, знала, что после её смерти он остался круглым сиротой. Ни разу она даже не попыталась узнать, куда он девался, что с ним теперь случилось. Ей плевать было на него, на те ужасные ночи, которые он проводил в слезах в отныне пустой хибарке, дрожа от горя и предельного одиночества. Его ведь больше на свете никто не любил, а ей было плевать. Не плевать ей было только на звон монет в кармане собственного фартука.

Чтобы отвлечься от мыслей о злобной тётке, Леандер достал с полки свою любимую книгу – единственную в библио-

теке, которая имела для него значение. Толстую книгу сказок с золотым обрезом и яркими картинками.

В его руках книга сразу распахнулась в том месте, где он чаще всего её открывал. Хотя читать он умел едва-едва, эту конкретную историю мальчик знал наизусть. Задолго до их с мамой переселения в Литчфилд-Хаус мама не раз рассказывала ему о Крысином Короле – о человеке, который умел превращаться в крысу и пролезать в самые тесные бреши и дырочки в стенах домов, чтобы уносить непослушных детей. Такие сказки почему-то никогда не бывают достаточно страшными, если их рассказывает любящий родитель при тёплом свете очага. Но теперь, когда мамы больше не было, Леандер часто лежал один в темноте и старался не прислушиваться к шорохам и тихеньким шумам, доносившимся с мансарды, к скрипу половиц – и так тщательно старался, что в конце концов уже не мог думать ни о чём другом.

В первый же день, когда мальчик перебрался жить в библиотеку, он обнаружил эту книгу лежащей на полу – очевидно, она упала с полки. И притом раскрылась на картинке, изображавшей Крысиного Короля. Почему-то это казалось словно бы приветом от умершей мамы. Немало одиноких ночей он провёл, разглядывая, как замороженный, яркие картинки, думая, как было бы хорошо, если бы мама была рядом и могла бы прочитать ему все-все до единой остальные истории...

Эх, книги, книги.

Та богатая дама в каретном сарае – как её, мадам Пинчбек? – в своём экипаже хранила и целые полки книг, Леандер успел рассмотреть. Значит, книги ей тоже нравятся, как и прочие штуки. Может, получится стащить что-нибудь из библиотеки и ей продать? Здесь же столько книг, целые стены уставлены до потолка, так что до верха даже и не добратся без специальных лестниц. Да, это книги лорда Литчфилда, но он ведь всё равно никогда их не читает, что за беда, если Леандер возьмёт всего несколько штук?

Леандер отлично знал, что некоторые книги стоят дорого. Но вот какие именно? Как бы не ошибиться... Он ведь едва умел разбирать буквы. Глупо выйдет, если он наберёт неправильных книг вместо дорогих и ценных и среди ночи потащит их на другой конец города всего за несколько грошей. А кстати сказать, с чего его так заклинило на книгах? В библиотеке ведь немало и других ценных вещей.

Мальчика охватил бунтарский дух. Мадам Пинчбек была готова заплатить целых десять шиллингов всего лишь за старый латунный медальон его мамы, а этот особняк набит по-настоящему ценными вещами для её коллекции! И почти все эти вещи давно никому не нужны. Подумать только, как много он может на них заработать!

Нет, много он красть не собирался. Всего лишь несколько красивых штучек, чьи хозяева никогда ими не воспользуются. Безделушки, пылящиеся в запертых пустых комнатах. Лорд Литчфилд и не вспомнит, что они там валялись, нико-

гда не пожалеет о них. Миссис Смарт хотела его выгнать – ну и пожалуйста. Когда она заметит, что из дома что-то пропало, Леандер будет уже далеко отсюда.

До сих пор Леандер никогда не осмеливался воровать в особняке: даже если его совесть это не тревожило, потому что вещица явно никому не сдалась, всё равно не получилось бы продать её в городе. Рано или поздно узнают, поднимут шум. Но мадам Пинчбек была не местная, здесь проездом. Он ещё успеет до рассвета добежать до каретного сарая и дожждаться её выезда рано поутру. И тогда он продаст ей краденое и уже к полудню покинет город навсегда. До Манчестера шестьдесят миль, Леандер сможет себе позволить поехать на поезде, а в новом месте снимет себе угол с кроватью в хорошем доме и примется искать ремесленника, которому нужен расторопный и дельный ученик.

А ещё можно устроиться работать на фабрику. В Манчестере же такие большие текстильные фабрики, и он слышал, что там постоянно нехватка рабочих рук и охотно нанимают сильных мальчишек. Да всё равно, где работать, главное – там всё будет иначе, он точно найдёт место, куда его возьмут.

Леандер выпрыгнул с полки, служившей ему кроватью, и на цыпочках двинулся исполнять свой план.

Времени было мало, нельзя терять ни минуты. Первой в мешок отправилась книга сказок. Кто знает, много она стоит или мало, но если вдруг мало – Леандер просто оставит её себе на память.

Он внимательно огляделся. Что ещё стоило бы прихватить? На каминной полке два серебряных подсвечника – годится! Подсвечники отправились вслед за книгой.

В центре библиотеки стоял здоровенный дубовый письменный стол. В его ящике обнаружили два писчих пера с золотыми кончиками – мальчик прибрал оба.

Застеклённый шкаф у стены оказался набит сокровищами. Стесняясь набрать всего без разбору, Леандер выбрал серебряную сахарницу причудливой формы.

Ну, наверное, вот и хватит.

Он почувствовал укол вины: всё-таки стыдно. Но разве у него оставался выбор? А кроме того, сколотив состояние, он сможет отдать долг, отослать в Литчфилд-Хаус цену украденного, и этим искупит свой грех. Может, даже и сам заедет сюда в гости к лорду, и миссис Смарт ему, богатому бизнесмену и фабриканту, будет лично наливать чай и обращаться «сэр»! Вот это будет номер!

Выбравшись на улицу привычным путём – через окно, – Леандер секундочку помедлил, вспомнив девочку из экипажа, которая беззвучно предупреждала его не продавать медальон. Что она хотела сказать? Может, имела в виду, что мадам Пинчбек пытается как-то его обмануть? И откуда леди узнала, что медальон принадлежал его матери, что Леандер круглый сирота, а не просто бездомный? И как всё же понимать её странную коллекцию – весь этот загадочный хлам в её карете?

Если Леандер сейчас покинет Литчфилд-Хаус с мешком краденых вещей, он никогда больше не сможет вернуться. Это был огромный риск... но, в конце концов, что он теряет? Прежнюю жизнь, одинокую и голодную? Невелика потеря.

Леандер сделал свой выбор.

Набитый мешок на каждом шагу колотил его по лодыжке. Завтра на ноге наверняка будет синяк, но дело того стоило.

Добравшись наконец до каретного сарая у трактира, он сразу разглядел, что чёрный экипаж пока ещё на месте – мадам Пинчбек и её девочка наверняка спали наверху, в гостевых комнатах. Лучшее, что можно было сделать, – это улечься спать в сарае: хоть и холодно, зато нет опасности поутру упустить отъезжающих. По крайней мере здесь была солома, в которую можно закопаться: заснуть, может, и не удастся, но хотя бы переждать ночь не на морозе.

Он тихонько пробрался в каретный сарай через боковую дверь – и, к огромному своему изумлению, обнаружил давешнюю девочку сидевшей на ступеньках экипажа. Одетая в элегантное синее платье, с тёмными волосами в две косички, уложенные на затылке с помощью шпилек – теперь Леандер точно видел, что она старше, чем показалась ему вначале, по крайней мере точно старше его. Лет тринадцати, почти что девушка. Она сидела в скованной, пристойной позе, с прямой спиной, скрестив щиколотки, и потерянно смотрела на каменный пол, погрузившись в раздумье.

– Мисс... Извините, мисс?

Девочка вскинулась, ахнула и вскочила на ноги. От неожиданности она даже выронила эмалевую чашку, забыв, что та у неё в руке, и вспорхнула в экипаж даже прежде, чем та ударилась о камни. Дверь с лязгом захлопнулась за ней.

– Простите, мисс, не хотел вас напугать! – растерянно воззвал ей вслед Леандер. – А ваша матушка тоже здесь?

Нет ответа. Но Леандер не собирался отставать – он твёрдо решил использовать свой шанс, чтобы узнать, почему она отговаривала его продать медальон. А ещё надеялся узнать, не слишком ли сильно ей за это попало.

– Вы чашку уронили. – Он подобрал чашку и приоткрыл дверцу, надеясь увидеть девочку в экипаже, но не заметил там никого. Горела маленькая свечка под стеклянным колпаком, но никакой девочки не было и в помине.

Он не без робости поднялся по ступенькам, сунулся внутрь.

– Мисс, вы где?

Ни звука, ни движения.

– Очень ловко, – с усилием похвалил он – на самом деле мальчик терпеть не мог, когда люди над ним издеваются. – Здорово вы спрятались. Но я же знаю, что вы здесь. Покажитесь?

Скрип открывающейся двери в сарай, цоканье каблучков. Ох, нет, только не это! Он не успеет незаметно выпрыгнуть обратно. Если хозяйка и во второй раз застанет его шаря-

щимся по экипажу, она точно не поверит, что он ничего не украл. Кликнет людей, они заглянут в его мешок – и тогда ему точно конец.

Единственный выбор был – поскорее спрятаться где-нибудь здесь. Затаиться и пересидеть, пока дама уйдёт. Он бросился на пол экипажа и накинул на себя одеяло с лавки. Шаги приближались, стуча уверенно и громко – это точно была мадам Пинчбек. Но, может, она не будет заглядывать в экипаж, а просто пришла позвать девочку? Если Леандеру очень повезёт, у него останется шанс выбраться отсюда втихую.

А повезти ведь просто обязано. Он же только-только начал новую жизнь. Можно сказать, был в двух шагах от новой жизни.

Мальчик услышал тяжёлый скрип двери денника, тихое ржание... Перестук копыт... Кони! Она выводила лошадей! Леандер зажмурился от ужаса, бесшумно зашевелил губами в молитве. Подтянув колени к груди, он старался дышать как можно тише, выжидая момент, когда можно будет сбежать.

А потом экипаж стронулся с места.

3

Императрица: *властительница, материнская фигура*

Вот теперь у Леандера начались настоящие неприятности. Он попробовал подняться на ноги, но не справился с качкой и тряской кареты и снова свалился на груды одеял. Все эти флаконы, кувшины, бутылки оказались устойчивее его и просто тихонько звенели на ходу, сталкиваясь боками на своих полках. Копыта стучали по дороге, по тонкой крыше экипажа барабанил дождь – всё громче и громче, сильнее и сильнее.

Мальчик ухитрился наконец сесть на скамью, ухватившись за ближайшую полку, чтобы удержать равновесие, и приподнял край бархатного полога на окне. Луну закрыли тёмные тучи, во мраке ночи мало что удавалось разглядеть. Он прижался щекой к холодному, исчерченному дождём стеклу. Два фонаря спереди на крыше экипажа ярко горели; деревья и столбы оград всплывали из темноты в пузырях слабого света и исчезали, будто смываемые призрачным приливом, когда пятна света от фонарей проносились мимо. Леандеру до этого момента случалось лишь единожды

ездить в экипаже — когда они с мамой переезжали в Литчфилд-Хаус, но тогда наёмная коляска ехала куда медленнее.

Собственно, они неслись сейчас с ужасной скоростью — и подумать невозможно о том, чтобы выпрыгнуть. Следовало выждать момента, когда экипаж замедлится, но пока что путешествие продолжалось — и изрядно затянулось. Нет шансов, думал Леандер, что мадам Пинчбек продолжит доверять ему после такой выходки, что возможна какая-то сделка: ему ужасно повезёт, если она хотя бы не позовёт констебля. Как только коляска остановится, нужно выпрыгивать наружу и делать ноги. Придётся подыскать другого покупателя для краденого. Ну, по крайней мере, он окажется в каком-то новом месте, где никто не опознает имущество из особняка лорда Литчфилда.

Перестук копыт и дождевых капель, позвякивание кувшинов и флакончиков на полках складывались в определённый ритм, почти успокаивающий. Усыпляющий... А ведь мальчик так давно не спал... Но ему ни за что нельзя засыпать, он не должен спать, он не будет спать, нет...

Леандер резко сел на полу, хлопая глазами.

Похоже, экипаж теперь ехал по совсем иным местам. Удары копыт стали мягче и глуше, коляску меньше трясло. Стук дождя прекратился. В окна лились рассветные лучи, мелькали голые ветки деревьев. Ох, значит, он всё-таки заснул! И проспал так долго... Леандер мысленно обругал себя идио-

том: как можно было позволить себе уснуть в такой опасной ситуации?

Тем временем ход экипажа начал замедляться. Леандер огляделся и увидел, что мешок его от тряски раскрылся, и вся добыча рассыпалась по полу. К счастью, пространство было небольшое, и он быстро собрал своё имущество обратно в мешок. Хотя коляска ещё двигалась, но уже достаточно медленно для того, чтобы мальчик осмелился открыть дверцу и прыгнуть наружу, зажмурившись для храбрости.

Он больно ударился о землю, прокатился по обочине несколько футов среди палой мокрой листвы и наконец крепко впечатался плечом в упавшее дерево.

Экипаж прокатился ещё немного вперёд и встал, но, по счастью, его хозяйка не оглянулась, а просто спустилась с козел и пошла вперёд, к лошадям.

«Фух! Она меня не заметила», – с облегчением выдохнул мальчик, уже начиная планировать, что же делать дальше.

Он осторожно, потихоньку поднялся и начал красться в противоположном направлении, стараясь не шуршать листвой, когда пробирался через кусты. Ветки хватали его за одежду, мешок с добром крепко зацепился за сухой древесный сук. Леандер сильно дёрнул – и освободил мешок, сломав сучок с громким треском, а сам свалился на землю. В мешке дружно звякнули подсвечники и сахарница – да так оглушительно, словно церковные колокола. Леандер закаменел от ужаса.

Вот болван! Нужно было или бросать мешок, или – ещё лучше – затаиться, пока она не уедет, не выдавать себя звуком...

– Сдаётся мне, мальчик, ты слишком далеко от дома, чтобы рассчитывать туда вернуться, – произнёс за спиной голос мадам Пинчбек.

Кроме грязной и узкой дороги, по которой они ехали, вокруг не было ничего, кроме леса. Леандер понятия не имел, как далеко до ближайшего города и в какой он вообще стороне. Должно быть, за ночь экипаж промчал многие мили. Он был уверен, что, если пустится со всех ног, сможет удрать от дамы в её длинном платье и туфлях – такая одежда мало подходит для беготни по лесу. Но вот куда ему бежать – он и понятия не имел.

– Ты, конечно, как хочешь, – продолжала она спокойно, возясь с упряжью лошадей – оба коня, как сейчас увидел Леандер, тоже были угольно-чёрными. – Но помни, что немало людей нашли в лесной чаще довольно мучительную смерть. – Приладив как надобно всяческие ремешки, она ласково погладила лошадей по шеям, развернувшись к мальчику спиной, скрытой сбегавшим до лодыжек дорожным плащом. – Я ещё немного подожду на случай, если ты решишь, что чашка горячего чая для тебя предпочтительнее подобной кончины.

В голосе её не слышалось ни нотки раздражения на то, что он забрался в её экипаж, а потом сбежал. Леандер медленно поднялся на ноги. В Литчфилд-Хаус ему теперь дороги нет

никогда и ни за что: миссис Сمارт непременно обнаружит пропажу. Она с него семь шкур снимет в уплату за своё молчание – а то и хуже: донесёт на него лорду. У него не было выбора, кроме как пытаться продать свою добычу, так или иначе.

Мадам Пинчбек тем временем сошла с дороги и собирала хворост, не обращая на него никакого внимания. Вроде бы она не казалась особо опасной. Может, всё-таки удастся уговорить её что-нибудь купить? Или хотя бы довезти его по дороге до ближайшей деревни... И да, она была права – оказаться в незнакомом предзимнем лесу без еды и огня для него было подобно смерти. Похоже, ему не оставалось ничего, кроме как ей довериться.

– Не стой истуканом, лучше сделай что-нибудь полезное. Например, набери сухих листьев или коры на растопку. – Голос у неё был ровным, как у школьной учительницы, без тени сомнения, что Леандер послушается.

Он откинул носком башмака верхние, влажные листья и добрался до сухого слоя. Потом, не выпуская из рук мешка, нагнулся набрать большую горсть и понёс их к сложенному дамой снопику хвороста для будущего костра, держась от него на расстоянии вытянутой руки.

Дама коротко кивнула.

– Ещё, мальчик, нужно куда больше. Ты что, никогда не разжигал костёр? Не знаешь, что нужно для растопки?

– Я не залезал в ваш экипаж.

Вот и снова дурак! Нашёл с чего начать! Дама в ответ скрестила руки на груди и скептически подняла брови.

– Я... я просто вас искал, – сбивчиво продолжил Леандер. – В трактире мне сказали, что вы поехали в эту сторону, и я побежал вас догонять. Я просто хотел вам продать кое-какие штуки.

Она приложила палец к губам, жестом приказывая ему умолкнуть.

– Сперва костёр, потом объяснения и извинения. Растопка. Сухие листья. Веточки.

– Нет, честно, я просто пришёл в трактир и спросил, где вы, – снова начал Леандер, одной рукой раскапывая мокрую листву вокруг в поисках сухой, а другой крепко прижимая к себе мешок. – Но там сказали, что вы только что уехали, и тогда я побежал за вами...

– Ну-ну. Вот это скорость бега! Ты великий бегун, мальчик, раз сумел меня догнать. – Губы дамы изогнулись в слегка издевательской улыбке.

– Я выбежал следом сразу после вашего отбытия, – упрямо продолжал Леандер, хотя его собственные слова не звучали убедительно даже для него самого. Попутно он бросил в костёр ещё одну большую гость растопки.

– Да ты не только быстрый, но и везучий. – Она отвела от костра подол одежды, приседая на корточки, чтобы зажечь огонь. – Смею заметить, у тебя отличные башмаки – они помогли тебе не отставать от меня на бегу целых... – Она вы-

била искру из кусочка кремня и дождалась, когда займётся пламя. – Сколько бишь ты бежал? Целых шесть миль.

Леандер невольно взглянул на свои башмаки – страшно изношенные, с просящими каши носками.

– Я быстро бегаю, и странно, что вы меня не заметили, – упрямо продолжил он врать, но она его перебила:

– Громче всего звенят пустые кувшины. Посмотрим, хватит ли тебе сил удержать язык за зубами, пока не закипит вода. – Она приладила чайник над огнём. – А потом, возможно, ты всё же решишь рассказать мне немного правды.

Мадам Пинчбек принесла из экипажа пару складных стульев. Леандер послушно молчал, хотя до момента закипания чайника, казалось, прошла целая вечность. Вместе с водой медленно закипали и мозги мальчика, раздираемые сомнениями. Неужели он снова сглупил? Совершил огромную ошибку? Они одни в глухом лесу... Не так уж и трудно отобрать у него мешок, а его просто бросить... Мадам Пинчбек выглядела вроде бы порядочной женщиной, но кто знает наверняка, что у других на уме и какие они на самом деле?

С другой стороны, там, в трактирной конюшне, она могла просто сорвать медальон у него с шеи и забрать себе, а потом кликнуть людей и выдать им воришку. Никто бы не поверил его слову против слова почтенной леди.

Мадам протянула ему оловянную кружку, полную горячей жидкости. Мальчик обхватил её обеими руками, пальцы запульсировали от блаженного тепла. В последний раз он ис-

пытывал нечто подобное на дворе одной церкви, где приходские дамы устроили раздачу супа для бедных после воскресной службы. Но потом они начали приставать с вопросами – а не хотел бы он, чтобы в приходе как следует позаботились о его судьбе, и так далее, – и Леандер быстренько сбежал и больше никогда туда не возвращался. Знал он эту приходскую заботу: глазом не успеешь моргнуть, как окажешься в работном доме.

– Как тебя зовут?

– Леандер.

– А если вежливо?

– Леандер, мисс.

– Так много лучше. А теперь давай посмотрим, что там у тебя имеется на продажу.

Леандер протянул ей свой грязный мешок. Он представления не имел, сколько стоят эти предметы ни вместе, ни по отдельности, но это, в сущности, было неважно – лишь бы хватило на дорогу до Манчестера. Сколько может стоить билет на поезд? А ещё по прибытии ему нужно будет где-то поселиться, снять угол. И купить хотя бы новые ботинки, чтобы выглядеть прилично.

Он постарался расправить плечи и выглядеть уверенно, как если бы знал истинную цену своей добычи и не собирался уступать ни пенса.

– Интересно. – Мадам вытащила наружу и взвесила на ладони серебряную сахарницу. – Милая вещь. О, на ней и

монограмма есть. «М.Дж. Л.»

– Она из большого особняка. Из Литчфилд-Хауса.

Тут врать явно было бесполезно: Леандер понимал, что лучше говорить честно, чтобы не вызывать больше подозрений, чем он уже вызвал.

– О. – Дама подняла брови. – Прямо-таки из Литчфилд-Хауса?

– Да, мисс, – отозвался мальчик, думая, что, какую бы она ни назвала цену, надо будет поторговаться, попробовать её удвоить. Она же явно богатейка. Странно даже, что она путешествует одна, без слуги или служанки.

– Давно я не слышала этого имени. – Мадам Пинчбек задумчиво провела пальцем по линиям монограммы и улыбнулась. – Конечно, я знала, что лорд обитает где-то неподалёку...

Неужели она знакома с лордом? Это же просто катастрофа. А вдруг они вообще родственники, а Леандер пытается впарить ей краденое фамильное серебро Литчфилда? Но уже поздно – остаётся только держать лицо, притворяться невозмутимым и надеяться на лучшее.

– И как эта вещь попала к тебе в руки?

– Я живу в Литчфилд-Хаусе, – вывернулся Леандер и даже не соврал.

– На сына лорда Литчфилда ты мало похож, – искоса взглянув на него, отозвалась она.

– Нет, мисс, я ему и не сын.

Она снова приподняла брови.

– Слуга?

– Вроде того. – Леандер старался осторожно выбирать слова. – Слуг там сейчас почти и не осталось.

– Вот как? Отчего же?

– Он сделался, как говорится, немножко... не в себе, когда пропала его дочь, – ответил Леандер и отхлебнул наконец из кружки. Вкус у напитка был омерзительный, но зато тепло здорово согревало, растекаясь по телу. – Он уволил почти всех своих слуг.

– Скажи мне, он до сих пор скорбит по своей дочери? – чуть склонив голову набок, дама нагнулась, вглядываясь в Леандера. В выражении её лица было нечто напрягающее мальчика – словно бы она надеялась в ответ услышать «да». Оно напоминало мордочку кошки, уловившей взглядом движение маленького мохнатого зверька.

– Думаю, да. – Мальчик пожал плечами. – Но точно не знаю. Я его встречал всего один раз.

– И он тогда же рассказал тебе о девочке? – На лицо даме упала тёмная прядь, и она отбросила её небрежным движением, не разрывая зрительного контакта.

– Нет, конечно, мисс. Просто в городе об этом судачат. А мы с мамой поселились в особняке через много лет после того, как его дочь пропала.

– А о чём он говорил с тобой во время вашей встречи? – Речь дамы убыстрилась.

– Да так, ни о чём. Он объяснял моей маме её обязанности, когда она поступила на работу.

Мадам не отводила взгляда, будто ждала чего-то ещё. Леандер неуверенно продолжил:

– Ну, ещё я помню, что он выглядел совсем больным. Сидел весь укутанный в пледы и одеяла, хотя тогда и холодно-то не было. – Леандер не выдержал и немного отстранился от дамы – его пугала её манера задавать вопросы. – А вы его знали, мисс?

Она улыбнулась и расслабила плечи. Напряжение исчезло.

– Мы встречались много лет назад. Мне он никогда не нравился. Его занятия казались мне весьма интересными, но сам он, как выяснилось, не заслуживал доверия. Итак, что у нас тут ещё?

Мадам Пинчбек, похоже, искренне заинтересованная товаром, и сама зримо хотела сменить предмет беседы. Убрав сахарницу обратно в мешок, она вытащила подсвечники, повертела их в руках, рассматривая и прикидывая вес.

Леандер хотел было из любопытства спросить, как именно выяснилось, что лорд не заслуживает доверия, но это был бы грубый вопрос, и он промолчал. Ему ведь только на руку, что мадам Пинчбек недолюбливает лорда – значит, она не слишком возмущена, что Леандер его обокрал.

Леандер усилием воли отбросил ощущение неправильности происходящего и снова сосредоточился на том, чтобы впарить свой товар.

– Этот подсвечник будет очень хорошо смотреться у вас в гостиной, мисс, – сообщил он убедительным тоном, неведь откуда вспомнив это выражение.

Мадам Пинчбек расхохоталась. Когда она смеялась, сразу делалась очень симпатичной. Леандер подумал, что ей, наверное, лет тридцать – достаточно, чтобы годиться ему в матери, но притом не быть слишком уж старой. Глаза у неё были тёмно-карие, яркие и живые. Она была худая, что есть, то есть, – но в отличие от миссис Смут, состоявшей из сплошных углов и острых линий, мадам Пинчбек это скорее красиво.

Она постучала ногтем по ножке подсвечника, покачала головой:

– Это, конечно, не лучшее серебро, которое попадало мне в руки...

Леандер отпил большой глоток противного чая, чтобы скрыть свою тревогу. Жидкость была горькая и огненная и обожгла ему не только рот, но и весь пищевод. Мальчик подумал, что на языке, наверное, остались мелкие ожоги.

– Я верно полагаю, что ты занимаешься распродажей сокровищ лорда с его благосклонного разрешения? – Её взгляд пронизывал насквозь, хоть голос и звучал благожелательно.

Леандер потупился.

– Эти вещи в доме больше не нужны, ими никто не пользуется, – по крайней мере это было чистой правдой. – А мне нужны деньги на билет до города. Я собираюсь найти себе

работу. Заняться карьерой.

– В самом деле? – улыбнулась дама.

– Ну да. Пойду в ученики к башмачнику. Или к переплётчику. Или на фабрику могу поступить. – Он отхлебнул ещё чаю. Тот постепенно остывал и не казался уже таким противным, но всё равно оставлял вяжущее послевкусие.

– Работа на заводе очень тяжела, мальчик.

– Я не боюсь тяжёлой работы.

– Ну да, ну да. Отчаянный сиротка, готовый на всё. Когда умерли твои родители?

– Отец – когда мне было семь. А моя мама – этой весной. – Леандер почувствовал, как в углах глаз закипают неожиданные слёзы. Он совершенно не хотел разреветься, как малыш, и поспешно сморгнул их, пока дама не заметила.

– Должно быть, тебе её очень не хватает.

– Просто ужасно. – Он прикусил нижнюю губу, чтобы та перестала дрожать. Никто и никогда его ещё не спрашивал, как он себя чувствует после смерти мамы.

Дама наклонилась вперёд и сказала, понизив голос:

– Леандер, я – медиум. Знаешь, что это такое? Я помогаю людям разговаривать с умершими.

– Вы... как это?

– У меня особый дар. Приподнимать завесу, отделяющую наш мир от царства мёртвых.

– То есть от царства небесного?

– Можно и так сказать. Люди платят мне за то, чтобы я

помогала им поговорить с любимыми, ушедшими из мира. Я могла бы и тебе помочь.

– Вы имеете в виду, что... что я бы мог снова поговорить с мамой?

– Думаю, мы могли бы прийти к соглашению, – сказала она. – Но сначала давай посмотрим, что ты за мальчик – из тех ли людей, с которыми я готова вести дела.

Она достала из-под плаща металлический ларчик, открыла его – и внутри обнаружилась колода карт. Не обычных, с трефами, бубнами и пиками, в которые режутся люди по кабакам: эти карты были яркими, красными, жёлтыми и лиловыми, с хитрым узором из сов, пауков и летучих мышей на рубашках. Мадам перетасовала их и раскрыла веером. Картинки на картах были все до единой разные. На верхней карте, например, была изображена башня, в которую ударила молния, и с рушащихся стен падали людские фигурки.

Дама развернула карты рубашкой к мальчику и схлопнула веер, а потом снова перетасовала их, низко опустив голову.

– Вы хотите предсказать мою судьбу, мисс? – Леандер однажды видел на ярмарке палатку предсказательницы, но мама настрого запретила ему туда ходить и даже заглядывать. А ему было всегда любопытно, как это делается.

– В некотором смысле. Выбирай карту.

– Я... я не знаю, какую взять, мисс.

– Зато карты знают. Бери любую, на которую ляжет глаз.

Леандер неуверенно ухватился за одну из карт двумя

пальцами и вытянул, ища подсказки в лице дамы – правильно ли он выбрал.

– Хорошо. Теперь покажи мне.

Он протянул ей карту, и она её перевернула. Картинка изображала мальчика, который карабкался вверх по склону горы. В руке у него был то ли посох, то ли не посох длиною больше, чем он сам.

– Паж Жезлов, – произнесла дама.

– Что это значит? – нервно переспросил Леандер. Вдруг эта карта сказала ей, что он вор? Могут ли карты такое делать?

– Карта говорит мне, что у тебя верное сердце, что ты полон энергии и сметлив, хорошо обучаем. А ещё она говорит, что ты стоишь на пороге большого приключения.

– Одна карта говорит столько всего? – Леандер невольно разулыбался. Ишь как – «верное сердце, сметлив»! Он даже плечи расправил, ужасно довольный, что такая почтенная дама, как мадам Пинчбек, увидела в нём нечто большее, чем просто нищего воришку.

Тем временем она достала из кожаной сумки небольшой круглый хлеб и разломил его надвое. Леандеру предложила кусок побольше. Мальчик вгрызся в хлебец, откусывая огромные куски, в то время как мадам Пинчбек отщипывала от своего кусочка понемногу. Леандер при виде этого смутился и постарался жевать помедленнее, не заглатывать еду: внезапно он устыдился своих скверных манер.

– Думаю, я могу заплатить тебе за эти вещицы достаточно, чтобы хватило на билет, – через какое-то время сказала дама. – Несмотря на то что мне будет трудно их перепродать – каждая помечена монограммой. – Она легонько похлопала Леандера по коленке. – Но я бы хотела, чтобы ты всё же нашёл себе работу.

Он проглотил остатки сухого хлеба, едва не подавившись, и запил последним глотком горького чая. Она и в самом деле собралась купить у него серебро! О чём ещё мечтать? Разве что о том, чтобы она захватила его с собой до ближайшего города. Где тут ближайший город, чтобы там имелся вокзал? И где можно купить себе ботинки – лучше вступать в новую жизнь в новых башмаках...

– Хотя, может быть, – продолжила она слегка изменившимся голосом. – Может быть... Но нет. Тебе это не покажется интересным.

Она опустила руки на колени и вздохнула.

– Что такое, мисс? – Дама и правда казалась очень огорчённой, и Леандер в самом деле ужасно хотел бы ей помочь.

– Да нет, ничего. Тебе нужны только деньги за серебро и работа на заводе. Тебе совершенно неинтересны мои проблемы.

– Простите, мисс, но это не так. Я хотел бы знать.

– Ну что же... Моё ремесло таково, что я много времени провожу в дорогах. В очень долгих дорогах. Одинокой странствующей леди пригодилась бы ещё одна пара крепких

рук, чтобы помогать с лошадьми, с переноской багажа, с доставкой записок...

Неужели она правда имеет в виду то, что ему показалось? Предлагает ему работу? Леандер никогда до сих пор не имел дела с лошадьми, но он научится. Он ведь «сметлив и хорошо обучаем». Так сказала карта!

– Я не смогу предложить тебе много в уплату – только горячий ужин каждый день и сухое тёплое место для сна. Иногда монетку-другую на личные расходы. Это, конечно, не сравнить с весёлой жизнью в большом городе вроде Манчестера.

Леандер, не веря своим ушам, горячо закивал. Горячий ужин каждый день – как давно ему этого не хватало!

– Нет, мисс! То есть я имею в виду, да, мисс! Я бы очень хотел работать на вас! – От волнения он подпрыгнул на своём складном стульчике и сполз на самый его край.

– Сперва ответь мне на один вопрос. Как я могу быть уверена, что ты не ограбишь меня, пока я буду спать? Мы оба отлично знаем, что эти вещи на продажу – краденые. Откуда мне знать, что я могу тебе доверять?

Леандер отшатнулся, как от пощёчины. Ну вот. Только замаячила на горизонте настоящая работа – и тут же уплывает. Он был на грани того, чтобы начать её умолять ему поверить, но сдержался. Плохая идея – показывать людям, в каком ты отчаянном положении. Это даёт другим слишком много власти над тобой. Он растянул губы в неубедительной

улыбке и выговорил:

– Я готов дать вам шанс, если вы дадите шанс мне.

Слова эти звучали куда более уверенно, чем он себя чувствовал.

Леди улыбнулась.

– Ну что же. Тогда давай заключим соглашение. Ты отдашь мне в залог нечто, что послужит гарантией твоей верности. Я верну тебе этот предмет, когда ты свою верность докажешь. Как насчёт медальона, который тебе так дорог?

Помедлив мгновение, мальчик поднял руки к шее и растегнул цепочку. В конце концов, он и впрямь намеревался доказать мадам Пинчбек свою верность и пригодность – и тогда она вернёт медальон.

– Скажите, а если я поеду с вами, вы... можете мне поговорить с моей мамой? – с надеждой спросил он.

Мадам Пинчбек медленно кивнула.

– Ну так что? Заключаем сделку?

Леандер в ответ опустил медальон в её раскрытую ладонь.

Пятёрка Жезлов: *разногласия, конфликт, борьба*

Дверь экипажа со стуком распахнулась, и наружу выскочила черноволосая девочка.

– Идиот! – отчаянно крикнула она.

Девочка! Она же была где-то в экипаже всё это время! А Леандер про неё напрочь забыл! Она что, слышала весь разговор? Почему мадам Пинчбек ни словом о ней не упомянула?

– Спокойно, Шарлотта, – ровным голосом отозвалась мадам Пинчбек, даже не глядя в её направлении. Её изящные пальцы сомкнулись вокруг медальона Леандера, глаза закрылись, на губах заиграла спокойная улыбка. Леандера вдруг охватило странное чувство – похожее на жар, когда стоишь слишком близко к очагу... или когда кто-то тебя слишком крепко обнимает, так, что даже больно.

Девочка отчаянно смотрела на него.

– Ты даже не представляешь, что сейчас натворил!

– Где ты пря... – хотел было крикнуть Леандер, но изо рта вырвался лишь слабый шёпот. Как будто в лёгких совершенно кончился воздух – как в тот раз, когда под ним на реке проломился лёд и он очутился в воде по горло. Маль-

чик вскочил, уронив складной стул, с трудом вдохнул долгим вдохом – и выкашлял воздух обратно.

Девочка в два шага очутилась перед ним, щёки её пылали от ярости.

– Ты же тогда сбежал! Зачем ты вернулся?!

Мадам Пинчбек безмятежно разглаживала складки дождяжного плаща, обращая на девочку не больше внимания, чем на жужжащую муху.

Та развернулась к даме, теперь адресуя свою ярость ей:

– Я знаю, что вы сделали! Вы не смогли купить медальон за деньги – и купили его за предложение работы! Нашли то, что для него особенно ценно!

– Да, дорогая, какая же ты умница, – голос мадам Пинчбек не выражал ничего, кроме скуки. – Ну что, ты уже накричалась? Вспышка раздражения прошла?

– Не дождётесь! – Девочка крутанулась на каблуках вихорьком голубого шёлка – и исчезла.

Леандер потряс головой, оправляясь от шока. Дыхание его восстановилось, но то, что он видел сейчас, заново выбило его из колеи. Он потрясённо воззрился на мадам Пинчбек, ожидая объяснений.

– Извини, Леандер, – произнесла та как ни в чём не бывало. – Шарлотта может быть изрядной грубиянкой.

– Но кто... Но как... – Разум Леандера кипел, он не мог подобрать слов для верных вопросов.

– Шарлотта – моя дочь. В некотором роде. – Мадам под-

жала губы. — Она моя воспитанница. Сирота, как и ты. Она довольно давно путешествует вместе со мной. И периодически теряет берега, забывает своё место.

— Я видел её тогда в каретном сарае, — выговорил Леандер. — Но в экипаже сейчас её не было. Я клянусь, что в экипаже её не было.

Мадам Пинчбек поднялась на ноги и распахнула дверцу экипажа каким-то очень лакейским движением. Леандер заглянул внутрь, желая разглядеть, там ли девочка, — хотя она не могла бы войти, не раскрывая дверцу.

— Но как она смогла...

Дама полностью проигнорировала его.

— Экзисто, — произнесла она непонятное слово.

В воздухе послышался электрический треск — примерно как бывает в грозу за секунду удара молнии. У Леандера встали дыбом волоски на руках. Из крохотной стеклянной шкатулки на одной из полок начала появляться Шарлотта — она выливалась наружу, как жидкость, обретала плоть и стала цельной и материальной прямо у него на глазах. Лицо у неё было таким же гневным и перекошенным, как в тот миг, когда она выскочила на него кричать.

Колени Леандера словно бы обратились в желе. Ощущение было как во сне, когда пытаешься и никак не можешь проснуться: очень неприятное. Он медленно сел, забыв, что уронил стульчик, и шлёпнулся на задницу прямо на мокрые листья. С трудом поднялся обратно на ноги, чувствуя себя

полным дураком.

За спиной Шарлотты стоял мальчик в твидовом жакете и шляпе-котелке на голове. Значит, в экипаже, кроме него, всё это время было ещё два человека? В экипаже, где Леандер совсем недавно спал и бодрствовал в полном одиночестве...

Мальчик казался младше Шарлотты – наверное, лет десяти от роду. Он был смуглокожий, с большими серьёзными глазами.

– Я собираюсь сходить в деревню и найти там приличную портниху, коль скоро тебе нельзя доверить эту работу, – сообщила мадам Пинчбек Шарлотте, пальцем приподнимая её лицо за подбородок. – С твоей стороны было бы разумно больше не испытывать моё терпение. – Она протянула мальчику медальон Леандера. – Феликс, найди местечко для этой вещицы – и присмотри за Леандером. Объясни ему всё, что нужно, о наших порядках.

Она запахнула плащ, развернулась и зашагала по дороге, даже не оглядываясь.

– За мной не нужно присматривать, мисс! – крикнул ей вслед Леандер. Почему-то он боялся оставаться один с этими странными детьми. Но непрошеным ходить хвостом за своей новой хозяйкой он тоже не собирался, чтобы её не раздражать. Сделав полдюжины шагов за нею следом, он нерешительно остановился посреди дороги, не зная, что теперь делать.

Всё шло совершенно не так, как надо, всё было непра-

вильно. А вдруг он совершил ужасную ошибку? Леандер сглотнул тугой комок, стоявший в горле. Больше всего на свете он сейчас хотел объяснений происходящему. Хотя каких-нибудь объяснений. Но какими бы они ни оказались, ясно одно – назад пути не было.

Ладно. Всё будет хорошо. С ним всё будет в порядке.

Наверное. Или нет.

– Проклятье, – выплюнула Шарлотта.

– Будем во всём видеть хорошее, – успокаивающим голосом сказал ей мальчик по имени Феликс.

– Но нас не должно быть трое! Этот мальчишка...

– Тебе надо быть добрее, Шарлотта.

– Не смей говорить, что мне надо быть добрее! Не я заваривала эту кашу!

– Ну и не я, так что не кричи на меня. – Мальчик скрестил руки на груди и насупился.

Они разговаривали исключительно друг с другом, будто Леандера тут и не было.

Шок, который испытал Леандер при виде детей, появляющихся из ниоткуда, уступил место леденящему ужасу. Кто эти странные существа, которые возникают из воздуха и исчезают в никуда, как ведьминские фамильяры?

Если мадам Пинчбек – медиум, как она ему сказала, вдруг это... вдруг это – не люди, а привидения?

– Кто вы такие? – спросил он дрожащим голосом. – Вы – привидения? Призраки?

– А я ведь его пыталась предупредить, – продолжая его игнорировать, сообщила Шарлотта Феликсу. – Думала, что мне удалось его отпугнуть.

– Но вы не прозрачные, сквозь вас ничего не видно, – отчаянно продолжал Леандер, надеясь добиться ответа.

– Ты старалась как могла, Шарлотта, – успокоил девочку малыш.

Леандер подступил поближе и протянул руку, чтобы тронуть Шарлотту за плечо. Она была плотной и совершенно материальной. И с негодованием отдёргнулась, наморщив нос:

– Эй, что ты делаешь?

– Что тут вообще происходит? – умоляюще спросил Леандер.

– Тебя похитили, только и всего! – огрызнулась девочка. – И нас ты заодно тоже подставил.

– Хватит, – предупреждающе сказал Феликс. – Ты его просто напугаешь, вот и всё.

– Он и должен быть напуган, если у него вообще есть мозги! – Она окинула Леандера презрительным взглядом с головы до ног. – Но по его виду и не скажешь.

Почему она хотела, чтобы он испугался? Какая ужасная девчонка! Леандер не собирался доставлять ей удовольствие, выказав свой вполне реальный страх.

– Чего бы это мне пугаться, вас, что ли? – Он вздёргнул подбородок. – Мадам Пинчбек наняла меня на работу. У ме-

ня столько же прав тут быть, как и у вас.

– На работу? – Шарлотта расхохоталась. – Тебя надули, дуралей. Теперь ты узник. Как мы. А эта штука, – она выхватила медальон Леандера у Феликса, и рука её дрожала – то ли от страха, то ли от ярости, – а эта штука теперь – твоя тюрьма.

Тюрьма. Узник. Похитили. Всё это звучало так страшно, что Леандером овладевал настоящий ужас.

– Вы врёте. Почему это мы все узники? Мадам Пинчбек за нами даже не следит и вообще ушла. Мы можем взять и разбежаться, если захотим.

Феликс положил руку Леандеру на плечо и потянул его к стульям у уже почти угасшего костра. Пальцы мальчика были совершенно обычными, плотяными. Никакой он не призрак. А кто тогда?

– Давай-ка присядем.

Леандер стряхнул его руку.

– Не хочу присаживаться. Хватит надо мной издеваться, просто объясните всё как следует.

Феликс пожал плечами и присел на ступеньку экипажа.

– Когда ты отдал мадам Пинчбек свой медальон, она поймала в него кусочек твоей души.

Леандер вспомнил это странное ощущение покалывания, жара и тесноты, когда пальцы мадам сомкнулись на медальоне. Неужели вот так чувствуется отрывание кусочка души?

– Нет, нет...

– Да, – жёстко сказала Шарлотта.

Феликс спокойно продолжал:

– По её команде ты будешь становиться струйкой воздуха и всасываться внутрь.

– Всасываться... внутрь? – Леандер ничего не понимал.

– Внутрь медальона, – объяснил Феликс.

Но это же невозможно! Но...

– И у меня будет получаться этот ваш... хитрый трюк с исчезновением? – спросил Леандер.

– Это не наш хитрый трюк. Это её магия. Теперь ты тоже так сможешь исчезать, – кивнул Феликс.

– Если я плохо одет и говорю не очень учёно, это ещё не значит, что я готов поверить во что угодно, – возразил Леандер. – Нет у вас никакой магии.

Возражая, глубоко внутри он знал, что неправ. У его собеседников были слишком мрачные лица, слишком взволнованные голоса. Это страшно пугало.

– Это и не наша магия, а её. Магия Пинчбек. Единственная сверхспособность, которая у неё на самом деле есть, что бы она там тебе ни наобещала, – горько сказала Шарлотта.

Леандер вдруг почувствовал себя ужасно усталым. Ему хотелось прекратить это – так или иначе, лишь бы скорее кончилось. Он поднял валявшийся на земле стульчик и присел, а то ноги подкашивались.

– Я знаю, всё это звучит странно для тебя, но ты лучше слушай внимательно, – сказал Феликс. – Если до её возвра-

щения ты не уяснишь, чего она от тебя хочет, у нас всех троих будут проблемы.

– Не хочу! Не желаю больше ничего слушать! Оставьте меня в покое.

– Я бы с радостью, но кто же мне даст, – сквозь зубы выдавила Шарлотта. – Если бы не твоя дурацкая жадность, не твоя тупость, из-за которых ты продал свой медальон, она бы тебя в жизни не поймала!

– Это не жадность! – крикнул глубоко задетый Леандер. – Голод и нужда, вот что это такое! Тебе в жизни не понять! – По нарядной одежде Шарлотты, по её манере выражаться с первого взгляда было ясно: этой девчонке никогда не приходилось вести нищенскую жизнь, как ему самому.

– Но ведь тебя она тоже поймала в своё время, Шарлотта, – заметил Феликс. – Что было бы с тобой теперь, не будь меня?

Шарлотта опустила ресницы и горько вздохнула.

– Ладно, Леандер, давай дальше, – продолжил Феликс. – Сейчас я скажу тебе несколько вещей, которые нужно помнить, чтобы избежать больших проблем. Слушаешь?

Леандер кивнул. Он больше не решался открыть рот – боялся, что при попытке заговорить просто начнёт визжать и орать. Как же он умудрился так крепко влипнуть?!

– Медальон теперь – твой ковчежец. Всегда держи его приоткрытым.

– Мой... что?

– Это значит магическое вместилище души, – объяснил Феликс. – В ковчежцах хранятся кусочки наших душ, и поэтому мы можем в них втягиваться и исчезать. – Он подцепил ногтем застёжку медальона и приоткрыл его, оставив щёлку. – Когда твой ковчежец открыт, ты волен в любое время по собственной воле в него входить и выходить наружу, как мы. А вот когда он закрыт, Пинчбек может в любой момент заставить тебя туда втянуться, а выйдешь ты только по её приказу. Поверь, ты точно не хочешь застрять внутри не пойми на сколько времени, так что никогда не закрывай его полностью.

– И наши ковчежцы – тоже. Никогда нельзя их закрывать, понял? – вставила Шарлотта. – Мой ковчежец – это стеклянный фонарик, а Феликсов – футляр от скрипки. Никогда не закрывай их, ясно? Никогда. Обещай, что не будешь!

– Обещаю, – сквозь зубы пробурчал Леандер. Он терпеть не мог, когда им командовали, но выражение лица Шарлотты ясно говорило, что лучше не спорить.

– Теперь давай потренируемся исчезать в ковчежце, – сказал Феликс. – Пинчбек рассчитывает, что к её возвращению ты уже научишься.

Должно быть, это всё же злая шутка. Сейчас он напыжится, изобразит, что хочет исчезнуть, и они над ним обхохочутся и расскажут, как они на самом деле проворачивают этот приёмчик. Наверное, они просто разволновались, что Леандера взяли на работу на место кого-нибудь из них, поэтому

и приняли его так неохотно и желают выпереть. Но Леандер совершенно не желал отнимать работу у кого-то другого! Он просто хотел найти хоть какое место под солнцем.

– Мы тебе поможем. Сейчас я тебя поучу. – Феликс определённо был добрее, чем девчонка, у него и голос был мягкий. Он не был похож на парня, склонного к издевательствам и подставам.

Но всё равно Леандер не желал ему позволить над собой смеяться:

– Не надо. Не хочу.

– Да как тебе угодно, – фыркнула Шарлотта. – Только найди сперва уголок, в котором спрячешься от Пинчбек, когда она вернётся и с тебя спросит.

– Ну зачем ты на него давишь, ему и так нелегко, – упрекнул её Феликс, и девочка опустила глаза.

– Я не хочу учиться магическим трюкам. Я просто нанялся на работу, – сказал Леандер.

– Тут нет никакой наёмной работы для тебя, – грустно ответил Феликс.

– Когда уже до тебя дойдёт? Ты теперь раб. Узник. Пинчбек – она... Она как та злая ведьма из сказки про пряничный домик. Чудовище, которое похищает детей. – Глаза Шарлотты казались мокрыми, будто она сдерживала слёзы. Будто она и правда имела в виду то, что говорила.

– Конечно, конечно. Она злая ведьма, а вы, должно быть, Гензель и Гретель. Приятно познакомиться, а я – Робин

Гуд. – Леандер снял перед ними воображаемую шляпу, и Феликс даже чуть-чуть улыбнулся. Шарлотта – нет.

– Это не шутки, – сказала она.

Леандер невольно подумал о книге сказок у себя в мешке, о картинке с Крысиным Королём... Нет, хватит!

– Хватит дурачить меня, как младенца. Это же просто сказка.

– Однако же, – отозвался Феликс, – мы все оказались именно в ней.

5

Семёрка Мечей: *обман, подлость, предательство*

Феликс

У Феликса было три сокровища, которые он ценил больше всего на свете.

Первое – музыка. Музыка текла в его жилах вместе с кровью, вместо крови.

Второе – младший брат Айзек, который в один непрекрасный день пошёл гулять в сторону рынка – и не вернулся домой. Феликс поклялся отыскать его и никогда не отступать, хоть бы и до Судного дня.

Третье – Шарлотта.

Феликс не хотел, не собирался её любить – эта любовь просто проросла на нём, как лишайник на камне. Он ведь давно научился не привязываться к детям, похищаемым мадам Пинчбек. До Шарлотты было четверо других. Четверо потерянных детишек. Пинчбек держала их при себе недолго – от нескольких дней до нескольких недель, – пока не решала, что больше они не пригодятся, и тогда они просто исче-

зали в ночи. Феликсу это не нравилось, однако же коль скоро он поклялся в верности мадам Пинчбек... как давно это было – восемь лет назад? Или девять? Кажется, всё-таки восемь. Трудно было вести счёт времени.

Его самого мадам Пинчбек похитила первым, никого другого у неё тогда ещё не было. Когда их с мадам было только двое, они, можно сказать, ладили и неплохо проводили время. Феликс играл ей на скрипке, она вроде бы искренне радовалась его обществу. Зарабатывать сеансами она начала незадолго до их встречи, а вдвоём им удавалось устраивать воистину потрясающие представления. У других медиумов из козырей были максимум призрачные перестукивания и столоверчение, а Феликс помогал Пинчбек превратить сеансы в настоящее потустороннее шоу – со звуками иномирной музыки, с внезапными видениями и прочими трюками. Это было взаправду весело. Куда веселее, чем побираться на улице. Иногда Феликс даже чувствовал вину за то, что развлекается вовсю, пока его братец неизвестно где и неизвестно как выживает, но мальчик утешал себя тем, что с помощью Пинчбек у него куда больше шансов отыскать брата.

Когда Пинчбек похитила Шарлотту, она перестала набирать новых детишек. Она никогда не объясняла Феликсу, отчего так: не тот тип характера, чтобы оправдываться перед другими в каких бы то ни было своих действиях. Но Феликс и сам видел, что Шарлотта отличается от прочих детей. Изысканной манерой речи, манерами, здоровым цветом ли-

ца – она выглядела девочкой из высших слоёв общества, привыкшей высоко себя ценить. А кроме того, Шарлотта владела такими навыками, как завивка волос – Пинчбек это пришлось весьма по душе – и вышивание. Пинчбек опять же была довольна, что кто-то может так изысканно украсить её одежду. Ни один из бедных уличных сирот, которые до того доставались Пинчбек в рабы, не подходил настолько идеально на роль личной прислуги почтенной леди. Так что, удовлетворившись наличием Шарлотты, Пинчбек уже года три никого не похищала, и Феликс, можно сказать, выдохнул и расслабился.

В конце концов, их жизнь была не так уж и плоха. Пинчбек ведь заботилась о них – ну, в своём роде. И они хотя бы не голодали.

Отец Феликса был горьким пьяницей, которому было плевать на всё, кроме вина, и семьёй мальчика оставался только его братишка. А после того, как Айзек пропал, – какая разница, где находиться, дома или где угодно ещё? По крайней мере, разъезжая по свету в компании Пинчбек, он получал больше шансов отыскать пропавшего брата. К тому же у Феликса была Шарлотта – и его музыка, и даже довольно большая аудитория, желающая послушать его игру: ну да, эти самые спиритические сеансы. Он давно уже примирился со своей участью и находил в ней светлые стороны.

Но для Шарлотты всё обстояло иначе. Раньше у неё был настоящий дом, люди, которые о ней заботились. Хотя у них

с Феликсом выдавались и хорошие дни, Шарлотта ни минуты не была счастлива в рабстве у Пинчбек. Феликс порой чувствовал, что разрывается надвое между своей госпожой и своей подругой.

А теперь ещё и этот новенький, Леандер! Его появление в их жизни грозило всё изменить, нарушить хрупкое равновесие. Шарлотта вообще была в ярости, мерила поляну сердитыми шагами, бормотала себе под нос.

– Нас не может быть трое! – в очередной раз выплюнула она. – Пинчбек не потянет сразу троих! Зачем он ей вообще сдался?

– Может, ради денег? – предположил Феликс, попутно собирая хворост для костра: незачем мёрзнуть в ожидании, если можно погреться. – Он ведь воришка. А у неё в последние дни не так уж много работы.

– Ну хорошо, она заставит его наворовать чего-нибудь, получит свои деньги, а дальше что? Она его уничтожит, как прочих? А вдруг она решит избавиться не от него, а от кого-нибудь другого? – Девочка понизила голос. – Нам-то с тобой отлично известно, что три – это слишком много! Вспомни, что стало с Розой!

Паника в голосе Шарлотты была как звук плохо натянутой скрипичной струны – нечто, что невозможно игнорировать. Тяжёлую ситуацию следовало преодолеть – и сделать это вместе, единой командой.

– Ну не можем же мы его просто бросить выкарабкиваться

самому. Он уже тут, один из нас, значит, будем делать что можем. Вот я, например, пытаюсь его учить. И ты могла бы принести чуть больше пользы.

– Он всё равно не верит ни единому моему слову! Он безнадёжен.

Несмотря на резкость её слов и голоса, Феликс чувствовал, что она начинает смягчаться. Такой уж у Шарлотты характер: сперва спустить пар, а потом, подуспокоившись, начать думать головой. Феликс уже давно привык пережидать её приступы гнева, как рыбак пережидает шторм.

Шарлотта

У Шарлотты ничего не вышло. Она проиграла.

С первого же мига, увидев, как Пинчбек беседует с мальчиком в каретном сарае, она поняла, что ведьма нацелилась его похитить. За пять лет в рабстве у этой чудовищной женщины Шарлотта неплохо изучила её образ мысли и действий. Она узнавала эти интонации, и сладкую улыбку, и подбадривающие слова, и все ужимки, скрывавшие её истинный облик: Шарлотта и сама когда-то попала на эту удочку.

Зачем, зачем же бестолковый мальчишка вернулся после того, как ему удалось сбежать? Она ведь пыталась его предупредить, чем вызвала гнев Пинчбек, так что ей пришлось удрать в свой ковчежец и спрятаться... И сейчас она снова заснула – чтобы проснуться слишком поздно. Когда она

выглянула наружу, увидела, как мальчишка отдаёт Пинчбек свой медальон.

Шарлотта была в настоящей ярости. Она злилась на Леандера, который позволил обвести себя вокруг пальца. Злилась на себя прошлую, которая некогда была такой же дурочкой, совершила ту же ошибку. Но больше всего, конечно же, она злилась на Пинчбек, проклятую злодейку, которая одна была во всём виновата.

Зачем Пинчбек понадобился этот мальчишка? Всего-то несчастный нищий беспризорник, какой в нём прок? Шарлотту Пинчбек ценила за умение ухаживать за её одеждой и волосами, Феликса – за его музыкальный талант... Может, Феликс прав, и Пинчбек выбрала Леандера за его воровские навыки? Ей ведь всегда не хватало денег... Возможно, причина в этом, отчего бы и нет. Но почему она решила завести себе раба-воришку именно сейчас, после стольких лет?

Признавая правоту Феликса, она взяла себя в руки и попыталась приносить пользу. Например, вытащила из экипажа проветриться ковры и одеяла, пока мальчишки собирали хворост для костра.

В любом случае появление третьего – плохая новость. Пинчбек никогда не держала сразу трёх узников, просто не могла. Шарлотта не понимала толком, почему так, но подзревала, что дело в физических возможностях Пинчбек, в цене, которую она платила за содержание детей в плену.

Когда с момента попадания Шарлотты в компанию Пинч-

бек и Феликса прошло года два, ведьма похитила маленькую девочку по имени Роза. Она была совсем крошка, лет шести, самое большое семи, и Шарлотта сразу к ней очень привязалась. Но Пинчбек очень быстро стала какой-то замотанной, опустошённой, как если бы магия ковчежцев подпитывалась её телесными силами. Прошло совсем немного времени – и Роза пропала среди ночи вместе со своим ковчежцем, а Шарлотте и Феликсу было строго запрещено упоминать при Пинчбек о малышке. Девочку замутило при воспоминании об этом... Бедная маленькая Роза!

Наверняка сейчас всё пойдёт по тому же сценарию, так или иначе. Как им избежать этой катастрофы?

Шарлотта встряса пыльный ковёр и расстелила его на самом сухом клочке земли, который ей удалось найти. Бросила поверх одеяла. Пинчбек приказала им рассказать новенькому о здешних порядках – и если они не выполнят что сказано, неприятности ожидают их непосредственно в ближайшем будущем.

– Идите сюда и присядьте, – позвала она мальчишек.

Леандер протестующе скрестил руки на груди. Внутренне клопоча от ярости, Шарлотта, однако же, удержала едкие слова за зубами. Нужно сохранять спокойствие, как это делает Феликс.

– Ну же, давайте. У меня есть кое-что сладкое. – Она вытащила из кармана бумажный кулёчек. Грушевые леденцы. Она растягивала их как могла надолго – и осталось ещё три

штуки, как раз на троих. – Садитесь, и я дам вам по конфете.

Эта метода сработала, и ребята покорно уселись перед ней на плешивый ковёр.

– Если мадам правда такая ужасная, я от неё сбегу, и всё тут, – сказал Леандер, перекатывая леденец во рту.

– Не выйдет. Если ты окажешься слишком далеко от Пинчбек, начнёшь развоплощаться, – сообщила ему Шарлотта.

– Что значит разво...

– Развоплощаться значит перестать быть плотным, плотным. Станешь призраком.

Меж ветвей деревьев просвистел порыв ледяного ветра, взметнул нечёсанные кудряшки Леандера. Ребята, зябко ёжась, натянули одеяла на плечи.

– Ты начнёшь истаивать, – пояснил Феликс. – Станешь слишком слабым, чтобы хоть что-нибудь делать. Мы должны находиться не более чем в полумиле от неё. Вот сейчас она не дальше чем в полумиле, иначе бы мы это почувствовали.

– А вы сами хоть разок пробовали сбежать?

Шарлотта с Феликсом обменялись долгими взглядами.

– Да, – сказала девочка наконец.

Феликс предупреждал её, отговаривал... Она бежала со всей скоростью, на которую была способна, задыхаясь... И едва нашла потом дорогу назад. Пинчбек очень смеялась по её возвращении.

– Это очень больно, – добавила Шарлотта тихо.

– Как давно вы у неё в плену? – спросил Леандер.

Шарлотта тянула из подола выпроставшуюся нитку.

– Меня она похитила пять лет назад.

– А меня – восемь, – сказал Феликс.

– Но... Это значит, что она вас захватила совсем маленькими?

Шарлотта потёрла руками виски.

– Это ещё одна из штучек, которые делает её магия. С момента похищения ты перестаёшь расти. Мы сейчас того же возраста, как когда нас украли, и такими и останемся. Навсегда.

6

Маг:

доверие, власть, ловкость рук

Леандер

Хруст щебёнки на дороге возвестил ребятам, что Пинчбек возвращается. Она вывернула из-за поворота, неся с собой большой узел и довольно улыбаясь.

– А вот и моя милая маленькая семья! – Она протянула Феликсу какой-то свёрток и ласково потрепала его по голове. – И я чувствую, что пахнет ужином! Какие славные, послушные детки!

Леандер увидел, что Шарлотта гневно закатила глаза, но сумела заставить себя промолчать.

– А теперь, малыш Леандер, ступай и посмотри, что я тебе купила. – Она указала на свёрток. Говорила она воркующим голосом, как с младенцем, и это вызывало у мальчика странные чувства. С одной стороны, он был слишком взрослым для «малыша Леандера»... А с другой – как давно никто не обращался к нему ласково, не покупал ему подарков?

Феликс развернул покров из мешковины. В свёртке ока-

залась одежда! Хорошие длинные штаны! Белая льняная рубашка с лацканами! Серый жилет и чёрный сюртук с единственным рядом пуговиц! Рубашка была кое-где зашита, а сюртук великоват, но всё равно это определённо был лучший костюм, которым Леандер когда-либо владел.

– Это что, правда мне?

– Правда, – просияла мадам Пинчбек. Хотя Леандер теперь жутко её боялся, всё же она выглядела такой доброй! С какой стати Шарлотта и Феликс говорят о ней так, будто она – дьявол во плоти? – Ступай-ка переоденься.

Непросто было переодеваться в экипаже, битком набитом всякой хрупкой всячиной. Леандер кое-как разделся, стремительно влез в обновки, чтобы не замёрзнуть – или чтобы кто-нибудь невзначай не заглянул сюда и не увидел его чудовищное, десять раз заштопанное нижнее бельё.

Ну да, одёжки были чуть велики, однако в них Леандер почувствовал себя совсем другим человеком. Узник он теперь или нет, однако же впервые со дня смерти мамы кто-то заботился о том, чтобы он был одет и накормлен. Он изрядно воспрянул духом: до чего же хорошо быть кому-то нужным!

Всё-таки Пинчбек добрая. В тысячу раз добрее всех остальных, кто ему встречался за время круглого сиротства. Неужели она правда такое злобное чудовище, как говорят о ней остальные двое ребят? Может, они его разыгрывают?

– Вот так намного лучше, – сказала Пинчбек, когда он спустился из экипажа. – Осталось привести в порядок воло-

сы. Шарлотта?

Лицо Шарлотты скривилось в гримаске отвращения.

– У него наверняка вши.

– И вовсе нет! – возмущённо воскликнул Леандер.

– Если у него вши – просто возьми гребень и вычеши их, – ровно сказала мадам.

Шарлотта вытащила гребень и нехотя начала расчёсывать спутанную гриву волос Леандера. Когда она продираала расчёску сквозь колтуны, он стискивал зубы, уж точно не желая показывать ей своей слабости и боли.

– Ну вот, это лучшее, что я могу сделать с такой грязной шевелюрой, – произнесла она через некоторое время. – Надо бы всё это срезать покороче.

Леандер быстро промокнул рукавом глаза, надеясь, что она не заметила, что у него от боли выступили слёзы.

– Спасибо, – буркнул он, чувствуя, как пылают щёки.

– А теперь, мои ангелочки, соберитесь поближе и слушайте, – весело сказала Пинчбек. – У меня отличные новости. Сегодня вечером у нас назначен приём.

Феликс широко улыбнулся:

– Сеанс? Наконец-то!

Шарлотта только поджала губы и раздражённо сузила глаза. Леандер подумал, что эту девчонку, похоже, раздражает вообще всё на свете.

– Заодно это будет отличная инициация для нашего малыша Леандера, – продолжила мадам. – Шарлотта, красную

мантию подготовь, пожалуйста. Феликс, проверь, будь добр, оборудование. Ну-ка, быстро за дело!

Обоих словно ветром сдуло. Пинчбек начала вынимать шпильки, которые удерживали шляпку на её причёске, и освободила наконец свои непослушные чёрные волосы, которые локонами упали ей на плечи.

– Мисс Пинчбек, пожалуйста, – произнёс Леандер нерешительно. Она сморгнула, как разбуженная ото сна, будто бы на миг забыла, что он вообще здесь, рядом. – Мисс Пинчбек, объясните мне, что сегодня будет?

Она снова рассмеялась и сунула руку в карман дорожного плаща. Извлекла на свет визитную карточку с золотым обрезом и протянула её Леандеру, который расстарался как мог, чтобы прочесть, что же там написано.

– М-м-м-а-а...

– Мадам, – помогла ему Пинчбек.

– Мадам Ав...вв...густина Пинчбек. Яс-нос-вя... – Леандер чувствовал, как его щёки заливаются краской стыда. Хорошо хоть, Шарлотта не видит этого позорища. Она непременно нашла бы что сказать по поводу умения Леандера читать.

Пинчбек сжалилась, забрала у мальчика карточку и сама зачитала ему вслух:

– «Мадам Августина Пинчбек. Ясновидящая, медиум, спиритка».

Широко улыбнувшись, она замерла в шутливом реверан-

се, словно ожидала аплодисментов.

Леандер не знал значения ни одного из этих слов, но ни за что на свете в этом бы не признался. Он просто улыбнулся в ответ и кивнул, стараясь выглядеть так, будто он всё понял и впечатлился.

– Ах, Леандер, как тебе повезло, что я тебя нашла! Сколько людей на свете может лишь мечтать о том, чтобы увидеть зрелище, которое тебя ожидает! – Она крутанулась на месте, юбка и полы плаща взметнулись вокруг её лодыжек. Мадам торжествующе вскинула руки. – Августина Пинчбек, лучший медиум в Британской империи! Да что там – во всём мире! Любой идиот может вращать столик, постукивать и притворяться, что это делают духи, но если вам нужно нечто большее – есть только одна особа, которая способна вам помочь! Кто же это?

Она взмахнула рукой в сторону Леандера, словно предлагая ему ответить на её вопрос.

– Это вы, мисс? – предсказуемо отозвался тот.

– Это Августина Пинчбек, мальчик мой! Та, которая способна призывать духов, обеспечивать их явления считай что во плоти! В вашей собственной гостиной она сумеет откинуть завесу между мирами и помочь вам услышать голоса милых усопших, получить ответы, более всего угодные вашему сердцу! – Голос её прозвенел эхом сквозь чашу, звонкий и сильный, как если бы она обращалась не к единственному слушателю, а к аудитории в сотню человек.

Леандер отлично знал, что шарлатаны могут навесить любую лапшу на уши, обещать золотые горы, лишь бы развести дурака на деньги. Но слышал он и о таком вот развлечении богатеев – как они готовы заплатить сколько угодно, чтобы пообщаться с миром духов... А эти богатеи были куда умнее и образованнее его самого.

– Хотите убедиться, что ваша любимая бабушка обрела вечный покой? Или желаете унаследовать состояние покойного дядюшки?

Тем временем из экипажа выбралась Шарлотта, нагруженная разноцветной одеждой. Пинчбек отступила на шаг, чтобы пропустить её, не прерывая своего торжествующего монолога:

– Мои духи готовы дать вам совет в любой сложной жизненной ситуации. Может быть, вы мечтаете добиться взаимности, руки и сердца прекрасной юной леди? – Она заговорщицки подмигнула и с усмешкой добавила шёпотом: – Все их вопросы всегда на одну из двух тем, мой милый мальчик: любовь или деньги. Люди очень просты, им всегда хочется взять от жизни лучшее.

Леандер словно бы увидел Пинчбек с новой стороны. Что-то магнетическое было в её манере говорить и двигаться, нечто, заставлявшее поверить, что она и впрямь – магическое создание. Её тёмные глаза сверкали озорными искрами. Но если она говорила правду, может ли быть, что слова Шарлотты и Феликса о её магии тоже правдивы?

Может, они вообще все – лгуны? Большинство людей на свете таковы, ничего удивительного. Просто нужно не терять бдительности. Но помимо всего прочего разговоры Пинчбек о духах наполняли Леандера восторгом. Он и подумать не мог, что когда-нибудь увидит такое чудо – настоящий спиритический сеанс с вызыванием духов.

– Ну что, вскоре займёмся чудесами, мальчик мой? – Пинчбек ласково взъерошила его волосы.

Приподнятое состояние её духа словно бы сделало ноябрьский промозглый вечер теплее. Шарлотта и Феликс бегали туда-сюда, сортируя, упаковывая и налаживая инвентарь. Посреди хаоса стояла Пинчбек, недвижимая, как статуя, и коротко выкрикивала указания. Леандер изо всех сил старался тоже принести пользу – и ему вручили хрустальный магический шар и кусок войлока к нему для полировки. До сих пор Леандер видел такие штуки только на картинках, где изображались цыганки – предсказательницы судьбы. Шар оказался на поверку куда тяжелее, чем мальчику думалось по картинкам.

– Да ничего он такого не делает! Это просто украшение для антуража, – презрительно фыркнула Шарлотта, однако стоило ей отвернуться, Леандер тут же начинал заворожённо пялиться в мутные глубины шара, где словно бы клубились облака и падал снег, и силился разглядеть в хрустальных глубинах нечто иномирное. Как и говорила Шарлотта, ничего особенного шар не делал, но всё равно Леандера поражало,

насколько она и Феликс оба мало заинтригованы подобными чудесными вещами.

– Кыш! – крикнула у него за спиной Шарлотта, топнув о землю башмачком.

Леандер оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как между колёсами экипажа улепётывает жирная чёрная крыса. Он передёрнулся от отвращения.

– Шарлотта, – окликнула её Пинчбек. – Хватит гонять крыс. Для леди пришло время вечернего туалета.

Они вместе удалились в экипаж. Леандер бережно обернул хрустальный шар в бархатный лоскут и уложил в сундучок. Феликс добавил туда связку длинных и тонких белых свечей.

– А зачем мы берём свечи? – спросил Леандер любопытно. – Неужели у тех людей, которые заказали сеанс, своих не найдётся?

– Это наши особенные свечи, с секретом. Мы у них отрезаем верх примерно на дюйм длиной и удаляем у нижней части фитиль. А потом плавим воск и склеиваем их заново.

Леандер присмотрелся – и впрямь заметил некоторую неровность, явно результат вмешательства и клейки.

– Но зачем это нужно?

– Затем, что, когда свечка догорает до места разреза, она гаснет. Вернее, все они гаснут разом. Нужно только правильно рассчитать время, и – вжух! – комната погружается в полную темноту. Магия!

Какой отличный трюк, невольно восхитился Леандер. Представить только – люди сидят в полумраке при свечах, вызывая духов, и вдруг все огни мгновенно угасают, как по мановению невидимой руки. Он передёрнул плечами.

– Этот трюк я изобрёл самолично, – улыбнулся Феликс, заметив выражение его лица. – Ещё в старые добрые времена, когда мы на пару с Пинчбек выдумывали всевозможные уловки, чтобы дурачить простаков. Мы ведь были одними из первых устроителей спиритических сеансов в Англии, поэтому обладали особой свободой задавать законы жанра.

Подумать только, а ведь Леандер совсем недавно мечтал поступить в ученики к переплётчику! А в результате угодил в ученики к чародейке. Он подумал, что, возможно, и сам бы сподобился изобрести пару-тройку эффектных трюков для магического представления. Надо только присмотреться, изучить, как все это работает, и тогда наверняка ему придёт какая-нибудь хорошая идея. И он сумеет доказать, что годится на свою должность не хуже прочих.

– А какие ещё бывают магические трюки? – жадно спросил он.

– Скоро узнаешь. – Феликс протянул ему тонкий пыльно-серый камзол с грязно-жёлтыми разводами и потёками по воротнику и вокруг пуговиц. – Надень-ка вот это. Твой костюм для сеанса, чтобы внешне соответствовать.

– Он же грязный. – Леандер с отвращением взял костюм, морща нос. Он только недавно переоделся в чистое – и со-

вершенно не желал снова напяливать на себя заляпанное какой-то дрянью тряпье.

– Это не грязь, – пояснил Феликс. – Поднеси камзол к костру, только не слишком близко, а то подожжёшь. Видишь теперь?

Поймав свет огня, желтоватые разводы на ткани начали таинственно мерцать – зловещим потусторонним светом, какого Леандер раньше никогда не видел.

– Это фосфоресцирующий состав, – улыбнулся Феликс. – Круто выглядит, скажи? А представь, насколько впечатляет, когда ты появляешься из темноты и начинаешь слабо светиться при свечах.

Маленький лагерь вокруг экипажа бурлил энергией. Даже Шарлотту заразило всеобщее возбуждение, так что она забыла как следует повозмущаться и пожаловаться на судьбу, когда ужин слегка пригорел ко дну котелка. В любом случае они с аппетитом всё съели – помимо гари, еда пахла радостным ожиданием. Кроме того, искренне думал Леандер, честно заработанный ужин, пусть даже и пригоревший, вкуснее краденого пирога.

Солнце почти село, когда Пинчбек объявила, что пора отправляться. Низко над кромкой леса висели подсвеченные багрянцем закатные облака, последние лучи солнца проникали сквозь голые ветви деревьев, отбрасывавшие длинные зловещие тени. Пинчбек вырядилась в алых тонах, и нитка рубинов на её шее по цвету сочеталась с кроваво-крас-

ной мантией. Откуда-то из-под экипажа снова вылезла чёрная крыса и с непревзойдённой наглостью направилась прямо к ней, даже наступила на подол её длинного платья. Пинчбек ничуть не обеспокоилась, просто выдернула подол из-под лапок наглой твари, и та кубарем укатилась куда-то в кусты. Леандер на всякий случай отступил от кустов подальше – вдруг та решит вернуться.

– Она правда собирается вызывать духов? – шёпотом спросил он у товарищей, пока они дружно ждали на холоде, когда Пинчбек даст команду садиться в экипаж.

Ну да, ребята уже продемонстрировали ему пару трюков, призванных впечатлить публику... Но ведь наверняка этого недостаточно, чтобы люди поверили в присутствие духов. Должно же в этих сеансах быть нечто истинное... Пинчбек, скажем, обещала ему, что он сможет поговорить со своей мамой. И, насколько невозможным это бы ни казалось, она умела заставлять этих ребят исчезать и появляться. Они ведь сами утверждали, что она держит их в магическом плену. А значит, вся эта духовидческая часть тоже может оказаться настоящей.

Не стоит слишком сильно на что-то надеяться, а то обязательно разочаруешься, подумал мальчик. Люди слишком склонны подводить и слишком редко исполняют обещания. Но до чего же трудно бороться с желанием снова услышать голос мамы, напевающий, например, старые колыбельные его детства...

Шарлотта как будто прочла его мысли и бросила на него очередной презрительный взгляд – к этой её манере Леандер уже начал привыкать.

– Я же тебе говорила. Это всё сплошной фарс и лицедейство. Никаких духов не существует. Роли призраков будем исполнять мы.

Леандер насупился и отвернулся от вредной девчонки.

Пинчбек выглянула из экипажа, хлопнула в ладоши.

– Так, Леандер! На место. В ковчежец.

Он закаменел на месте.

– Э-гм... Мисс... понимаете, я не уверен, что... Что умею...

– Что?! Эти двое лентяев во время моего отсутствия не научили тебя отправляться в ковчежец?! – Она обратила на Шарлотту и Феликса тяжёлый взгляд. – Так, детки, чем вы тут без меня занимались – бездельничали?

Шарлотта сжала губы и сощурилась на Леандера с выражением «Ну а я что тебе говорила?».

– Значит, тебе придётся научиться этому прямо сейчас, за пару минут, – отрезала мадам. – У нас нет времени. Мы не можем заставлять клиентов ждать.

Три пары глаз сверлили Леандера. Он почувствовал, как уши его и щёки загораются огнём.

– Просто попробуй представить себя струйкой дыма, – сказал Феликс. – Вообрази себе внутренность медальона, держи эту картинку перед глазами.

– Думай о пустоте, – добавила Шарлотта, скрестив руки на груди.

– Я... не умею, – запротестовал Леандер, чувствуя себя полным идиотом.

– Времени мало, – резко напомнила Пинчбек, убирая в карман плаща какую-то чёрную книжечку. – Лошади взнузданы, вещи упакованы.

Голос её был куда жёстче, чем когда-либо за сегодняшний день. Она холодно и сурово смотрела на Леандера, и того накрыло острым стыдом за то, что он её подвёл. Обещал не разочаровать, а сам разочаровал в первый же день! Ему и правда следовало упражняться, отрабатывать трюк невидимости, как остальные повторяли раз за разом. До сих пор не веря, что нечто подобное возможно – невзирая на всё, что он видел своими глазами, – он глубоко вдохнул и решил изо всех сил постараться.

Леандер глубоко вдохнул и зажмурился. «Вообрази внутренность медальона... Держи эту картинку перед глазами... Струйка дыма... Думай о пустоте...»

И вдруг что-то произошло. Он толком не мог описать, что именно: накатила странная лёгкость. словно бы земля под ногами стала очень-очень мягкой, проваливалась... Нет – словно бы под ногами и вовсе не было никакой земли.

– Мне это не нравится! – Руки Леандера невольно стиснулись в кулаки, и земля снова стала плотной и твёрдой. Шарлотта поцокала языком.

– У тебя почти получилось, – ободряюще сказал Феликс.

Пинчбек вскинула голову, глядя на быстро темнеющее небо. Вытянула руку ладонью вперёд, чтобы проверить, не начинается ли дождь. Потом устало бросила:

– Абэо.

И снова эта странная лёгкость – но на этот раз Леандер не прилагал никаких усилий. Напротив, он сопротивлялся изо всех сил, старался сделать свои члены снова плотными и тяжёлыми, отчаянно цеплялся за любой возможный якорь, который мог удержать его в мире.

– Лучше не борись, – откуда-то извне посоветовал голос Феликса, но Леандер не мог не бороться – это было сильнее его. Кожа его то пылала, то, по ощущениям, покрывалась коркой льда, кости гудели от боли – казалось, вот-вот они просто искрошатся изнутри. Из грудной клетки словно бы высосали весь воздух, желудок выворачивался наизнанку, как от рвоты, но наружу ничего не выходило – просто потому, что никакой наружи не было. Он не контролировал происходящее, мир вокруг стремительно померк, а плоть обращалась в дым.

А потом он очутился внутри медальона... По крайней мере он думал, что очутился там. Потому что вокруг не было ничего, кроме некоего пространства и некоего воздуха.

Это было очень странное ощущение. Вернее, даже не ощущение: телесные чувства тут отсутствовали. Он привык по умолчанию воспринимать прикосновение ткани одежды к

телу, плотность земли под ногами, прохладу воздуха на коже, ритм собственного дыхания. А тут ничего этого не было. Он по-прежнему мог слышать, а вот видеть не мог. Очень странное чувство... но куда менее болезненное, чем процесс исчезновения.

Значит, вот на что он подписался на службе у своей новой госпожи? Ужас какой! Как он мог на это пойти?!

– Выходи, Леандер, – позвал снаружи, будто издалека, голос мадам Пинчбек. – Твой ковчежец открыт. Ты волен выйти по собственному желанию.

А вдруг появляться будет так же больно, как исчезать? Но оставаться внутри медальона было совершенно невыносимо. Леандер попробовал задержать дыхание, приготовившись к боли, – но сейчас он не умел дышать, так что и задерживать было нечего.

– Просто представь себя свободным, – произнёс голос Пинчбек. Леандер слышал в этом голосе нотки раздражения.

«Наружу, на волю», – подумал он – и с этой мыслью вырвался наружу, сразу же обретая плоть, волосы, кожу, кости. На этот раз больно не было – только странное покалывание и обжигающий холод, как если нырнуть в ледяную реку. Под ногами снова образовалась твёрдая земля. Последним из чувств вернулось обоняние: запах земли, ноябрьского леса, прелой листвы – и экзотический пряный аромат одеколона, которым надушилась Пинчбек.

– Спасибо тебе большое, Леандер, – ледяным голосом

произнесла Шарлотта, появляясь ниоткуда рядом с ним и обтряхивая платье. А потом, не оглядываясь, поднялась по ступенькам экипажа и громко захлопнула за собой дверь.

– Команда «Абэо» работает сразу на нас всех, – грустно пояснил Феликс. – Когда мадам Пинчбек отправила тебя в твой ковчежец, мы тоже вынужденно отправились... по своим.

– Это же... так больно, – выдохнул Леандер.

– Больно только если сопротивляться, – обыденным тоном сообщила мадам Пинчбек. – Ты просто потренируйся. Попрактикуешься – и начнёт отлично получаться. Давай, повтори.

Леандер сглотнул горький комок, стоявший в горле. Ох, как ему не хотелось снова отправляться внутрь медальона! Однако же воспоминание о боли, вызванной вынужденным исчезновением, отбивало желание возражать. Феликс не сводил с него глаз, явно побуждая его скорее попробовать, и Леандер не хотел выглядеть трусом в его глазах.

Так, что там? Глубоко вдохнуть... Подумать о внутренности медальона... О воздухе... о дыме...

Всё внутри него затрепетало, голова стала пустой и лёгкой, мир вокруг подёрнулся тьмой...

Совсем не больно. Вообще никак.

Наружу, вовне... Получилось!

Леандер попробовал проделать это несколько раз – и с

каждым разом обнаруживал, что трюк удаётся ему всё легче. Теперь он уже не боялся, легко удавалось умом переместиться в медальон, а дальше и телу скользнуть вслед за умом. Безо всякого сопротивления и боли. Боль исчезла, но всё равно исчезновение, ускользание в невидимость оставалось неприятным опытом – словно бы он нарушал законы реальности, и весь окружающий мир на уровне чувств выражал своё недовольство.

Тем временем Пинчбек дала приказ садиться в экипаж, и трое детей послушно забрались внутрь. Леандер положил свой медальон в сундук, где уже лежали фонарик Шарлотты и скрипичный футляр.

– У тебя отлично всё получилось, Леандер, – одобрительно сказал Феликс.

– И теперь я могу исчезать и появляться в любой момент, когда захочу? – спросил тот, всё никак не умея окончательно поверить в происходящее.

– Да, пока твой ковчежец открыт. Приоткрыт хотя бы немного. Не забывай, о чём мы тебе говорили. Если медальон захлопнется и будет закрыт на замочек, ты сможешь выходить наружу только по команде Пинчбек. Поэтому внимательно следи за ним. Мало ли, вдруг тебе понадобится срочно туда спрятаться. Или лечь туда поспать в тишине и сухости, если другого укрытия на ночь нету. Снаружи застрять иногда очень неприятно.

– Всяко не более неприятно, чем застрять внутри, – про-

бормотала Шарлотта.

Семёрка чаш: *фантазия, воображение, иллюзия*

Леандер

Леандер сидел в экипаже, зажатый между двумя новыми друзьями. Не сказать, чтобы это было удобно, к тому же на каждой колдобине коляска подскакивала, и его или била по локтю ручка металлической сковородки, либо шлёпала по лицу метёлка сушёной травы. Так-то экипаж был просторный, в нём бы с избытком хватило места для четырёх или пяти пассажиров, если бы он не был битком набит разношёрстным реквизитом Пинчбек.

– Всё это хозяйство нужно Пинчбек только для одного – чтобы люди ей верили, – объяснял тем временем Феликс насчёт сеансов. – Чтобы они и правда считали, что она способна пересечь пустыню, за которой лежит царство умерших.

Леандер невольно передёрнулся:

– Звучит жутковато.

– Так это же всё не на самом деле, – вздохнула Шарлотта и приподняла бархатную занавеску, чтобы выглянуть наружу.

– Люди платят ей, чтобы она посещала их дома и помогала им передать послания любимым мёртвым. Тем, кого они потеряли. Присутствующие садятся в кружок вокруг стола, зажигают для освещения всего несколько свечей, чтобы в комнате царил полумрак. Пинчбек впадает в транс... – На этих словах Шарлотта фыркнула.

– Ну, по крайней мере, именно это она пытается изобразить, так положено, – продолжил Феликс. – В этот момент появляюсь я и играю музыку. Она сообщает собравшимся, что я – её дух-проводник...

– Интересно, почему люди готовы платить деньги за то, чтобы их напугали? – подивился Леандер.

– Не просто напугали, – поправил его Феликс. – Чтобы их поразили. Зачаровали. Показали им что-то исключительное... Ну, и напугали тоже – знаешь, люди порой любят немножко пугаться. Когда это точно безопасно. Ты понимаешь, о чём я?

Леандер кивнул. Он и правда понимал. Примерно это он чувствовал, когда мама рассказывала ему сказку про Крысиного Короля, уложив его себе головой на колени при свете тёплого очага. Но с тех пор, как она умерла, у него больше не осталось хороших страхов... только плохие. Страх, что миссис Смарт его выкинет на улицу или выдаст лорду. Страх умереть от голода. Страх попасться на воровстве и угодить в руки полиции... Он невольно подумал, как, должно быть, счастливы люди, которые могут себе позволить за собствен-

ные деньги приглашать страх к себе домой, чтобы немного поразвлечься.

– Значит, я тоже должен буду их пугать? – спросил Леандер.

– Когда Пинчбек тебя призовет из твоего ковчежца наружу, всё, что от тебя требуется, – это стоять на столике. Ничего не говоря. И не двигаясь. Люди должны принять тебя за привидение.

– Но я же не прозрачный, – запротестовал Леандер, вынимая из волос запутавшийся там листок полыни. – Все сразу догадаются, что я просто живой мальчик.

– Мерцающий таинственным мерцанием мальчик, который возникает ниоткуда посередине их обеденного стола, – хмыкнула Шарлотта. – Это сработает, уж поверь мне. Это всегда работает.

Тем временем экипаж выкатился с лесной дороги на мощёную и теперь подпрыгивал по брусчатке. От его тряски у ребят стучали зубы, а кувшины и бутылочки сталкивались боками и позвякивали вразнобой.

– Главное – не позволяй никому к тебе прикасаться, – сказал Феликс. – Это нередко портит весь эффект.

– А вдруг я всё провалю? – заволновался Леандер.

– Там нечего проваливать, – успокоил его Феликс. – Пинчбек, Шарлотта и я постоянно будем их отвлекать всякими трюками. Всё, что от тебя требуется, это вовремя возникнуть и вовремя исчезнуть.

– А как она говорит с настоящими духами? – задал Леандер вопрос, который его живо волновал.

– Да никак! – воскликнула Шарлотта с досадой. – Сколько тебе повторять? Она шарлатанка. Это всё просто показуха. На свете не бывает никаких духов и призраков.

Леандер опустил голову, упрямо отказываясь ей верить. Ладно, пускай эти спиритические сеансы для богатеньких и есть сплошная показуха, с хитрыми трюками и переодетыми детьми, но это же не означает, что Пинчбек не умеет и по-настоящему говорить с духами умерших! Как мальчику уже было известно, магии она была не чужда, и доказательство тому – их чудесные исчезновения и вся эта история с ковчежцами. И какие-то истинные факты она умела узнавать, хотя никто ей их не сообщал: например, она сама догадалась, что Леандер круглый сирота, что медальон раньше принадлежал его матери... Вот у него и оставалась надежда, что Пинчбек сдержит своё обещание и поможет ему ещё разок поговорить с мамой.

Незадолго до прибытия Пинчбек приказала детям отправляться по ковчежцам. Было очень важно, чтобы заказчики сеанса не видели никого из них даже издали прежде, чем те появятся перед собранием в качестве духов. Леандер, радостно возбуждённый и нервный, ждал и не мог дожидаться начала действия. Из ковчежца он слышал лишь приглушённые звуки внешнего мира: стук в дверь... Скрип отодвигаемой мебели – наверное, в гостиной расставляли стулья...

Голоса, учтиво приветствующие Пинчбек, обрывки реплик:

- ...я слышала, совершенно незабываемые впечатления...
- ...необыкновенный талант, глазам поверить невозможно...

– ...конечно, я в принципе скептик, но...

Наконец начало происходить нечто осмысленное. Шум голосов умолк. Зазвучал единственный голос – низкий, мелодичный голос Пинчбек, но слов Леандер толком не мог разобрать.

– Экзисто, – произнёс голос в некоторый момент – и это слово словно бы выдернуло его на удочке из холодной глубокой воды по команде Пинчбек. Неприятное ощущение, когда тебя резко вытягивают наружу, но на этот раз он не посмел сопротивляться – и вышагнул из ниоткуда на середину большого стола, с наслаждением ощущая вес собственного тела. Воздух пах уксусом и серой сожжённых спичек.

Леандер вышагнул – и ахнул от неожиданности хором с клиентами своей хозяйки: ритуал выглядел куда более зловеще, чем он ожидал. Он стоял посреди круглой деревянной столешницы, вокруг которой собрались трое мужчин и четыре женщины (считая Пинчбек). Расставленные в круг свечи давали немного света – ровно столько, чтобы кое-как выхватывать из темноты бледные лица и отбрасывать резкие чёрные тени.

Пинчбек читала какие-то ритмические строки, почти выпевала их, запрокинув голову, словно в полубмороке. Кар-

ты, которые она недавно использовала для проверки Леандера, были разложены перед ней на столе какой-то сложной фигурой вроде звезды, золотистые линии рисунков мерцали в свечном свете.

Леандер поспешно вспомнил наставления Феликса. Всё, что нужно делать – это стоять неподвижно, молчать и смотреть перед собой, пока не поступит команда вернуться обратно в медальон.

Из темноты послышался длинный заунывный звук, дрожащий, как и соединённые на столешнице руки собравшихся. Леандер не мог точно определить, откуда этот звук исходит. Богатая гостиная за пределом круга света была погружена во мрак, так что казалось – странные стоны доносятся из-за грани мира и снова падают в никуда. Заунывные стоны нарастали, делались всё выше, и Леандер внезапно осознал, что их издают скрипичные струны. Где-то в тёмном уголке играл на скрипке Феликс, созидавая беспокойную, тёмную мелодию.

Скрипка плакала и смеялась, неземная мелодия становилась всё быстрее. Мужчина, стоявший за столом лицом к Леандеру, пытался сохранить каменное выражение лица, но глаза его расширились и ярко блеснули, а углы губ отчётливо дрожали. Женщина в красном платье простонала и зажмурилась, привалившись к плечу мужчины. Тот взглянул в её сторону одними глазами, не поворачивая головы, будто боялся, что малейшее движение может нарушить творящуюся

магию.

Из-под стола прямо у Леандера под ногами послышалось ритмичное громкое постукивание. За ним – ещё перестук, чуть тише, словно ногтями по стеклу, из дальнего угла гостиной.

Тук-тук... Туки-тук... Звуки перекликались друг с другом, словно беседовали реплика за репликой. Леандер медленно повернулся, по пути заглядывая в лица участникам сессии: все они держались за руки, в том числе и Пинчбек, и их пальцы на столешнице были неподвижны. Кто же тогда стучит? Звуки музыки не прерывались, это значит, что Феликс всё ещё занят игрой на скрипке... Вариантов не так много – остаётся только Шарлотта. Но как она умудряется звучать одновременно из двух противоположных концов комнаты? Разве она может находиться в нескольких местах одновременно?

«Не бывает никаких духов и призраков». Шарлотта сказала, что это всё просто шарлатанство, напомнил себе Леандер – несмотря на то что сидевшие за столом люди явно считали иначе. Перестук тем временем перешёл в слабое поскрёбывание.

– Завеса между мирами тонка нынешней ночью, – тихо выговорила Пинчбек. – Духи очень сильны. Они здесь, близко.

«Не бывает никаких духов. Не бывает никаких духов». Нет, Леандеру вообще не страшно. Он ни за что не даст себе

забояться. Это не важно, что во рту у него пересохло. Просто... просто в комнате слишком темно.

– Если среди вас есть тот, кто желает вступить в контакт, прошу, подай мне знак, о дух, – возгласила Пинчбек.

И тут погасла свеча. А за ней – следующая, на другом краю стола. Собрание дружно ахало, пока хитрые обманные свечи гасли одна за другой, пока горящих не осталось только три. Окружающий мрак стал ещё гуще. Из-за темноты комната казалась ещё меньше, чем выглядела изначально.

Скрипичная мелодия постепенно утихала и сошла на нет, воцарилось минутное безмолвие. По коже Леандера бежали мурашки. Он стиснул руки, чтобы те перестали заметно дрожать. Перед глазами невольно вставал непрошенный образ самого настоящего привидения, древнего и страшного, выступающего навстречу живым из плотной тьмы...

«Не бывает никаких духов», – отчаянно напомнил себе мальчик – и тут что-то прикоснулось к его лодыжке. Совсем лёгкое касание, как ветер в траве.

Леандер отдёргнул ногу, не сдержав вскрика, и едва не потерял равновесие.

Оказывается, это к нему прикоснулась женщина, сидевшая рядом с Пинчбек! Теперь она широко улыбалась, раззявив рот, как акула, и костяшки пальцев второй её руки казались белыми – так крепко она сжимала руку своего соседа.

– Он настоящий! Плотяной!

По собранию прокатился возбуждённый ропот, и Леандер

снова ощутил себя лисёнком, окружённым оскалившимися гончими. Что же ему теперь делать? Скорее вернуться в медальон? А вдруг нельзя так поступать без команды мадам Пинчбек? Или она ещё сильнее рассердится, если он будет дальше топтаться на столе и подвергать её трюки риску разоблачения?

За спинами дамы, тронувшей Леандера за ногу, и её соседа появилась Шарлотта – на грани видимости, на пределе круга света. Подняв руки, она резко опустила ладони им на плечи – и сразу же отступила в темноту. Мужчина стремительно вскочил, дама в красном лишилась чувств.

– Абэо! – резко прозвучала команда из уст мадам Пинчбек, и в костях Леандера вспыхнула тянущая боль. Главное – не сопротивляться, напомнил он себе и постарался расслабиться, чтобы тело обмякло, как кисель. Боль тут же отпустила. Наоборот, нахлынуло облегчение. Плоть Леандера стала дымом, и он безо всякого труда вернулся внутрь медальона. Мелодия скрипки со взвизгом оборвалась. Изнутри ковчежца Леандер слышал звуки суматохи – тяжёлые быстрые шаги, снова скрежет ножек стульев по полу, возбуждённые голоса. Приглушённая речь порой прерывалась всплесками нервного смеха. Надо же, какие у представителей высшего класса идиотские способы развлекаться!

Этим же вечером, несколько позже, Леандер снова покинул ковчежец по команде мадам Пинчбек. Он даже не пы-

тался сопротивляться – позволил вытащить себя наружу и глубоко вдохнул ноябрьский холодный воздух ещё не окончательно уплотнившимися лёгкими.

– Дом, милый дом, – протянула Пинчбек, схватила Леандера за руки и проделала с ним по двору несколько, считай, танцевальных па. – Ну что, неужели это было не прекрасно? Клиенты в восторге!

«Милый дом» на этот раз представлял собой здоровенную кирпичную постройку – фермерский дом с толстой и крепкой дубовой дверью и целым рядом тёмных окон, смотрящих на пришлецов сверху вниз пустыми стеклянными глазами. Экипаж стоял перед домом на каменном мощёном дворе, скрытый от дороги высокой, давно не стриженной живой изгородью.

– Чей это дом? – спросила Шарлотта.

Пинчбек, похоже, её вообще не расслышала – или просто не обратила внимание. Она отпустила руки Леандера, с фонарём в руке прошествовала к дверям и махнула ребятам, приглашая их заходить.

Похоже, этот дом простоял заброшенным немало лет. На окнах всё ещё висели занавески, но совсем ветхие, местами истончившиеся до дыр. На кухне имелась посуда – и тарелки, и миски на столе, у плиты стояли кочерги, в раковине лежала на боку одна-единственная чашка. У задней двери стояли изношенные рабочие башмаки. То же запустение, что и в кухне, царило в гостиной – огарки свечей на каминной

полке, брошенный на спинку стула плед, толстый слой пыли на всём вокруг. Выглядело всё это так, будто хозяева отравились прогуляться лет двадцать назад, да так и не вернулись.

– Что это за место? – снова настойчиво спросила Шарлотта.

Леандер взял было с комода фарфоровую фигурку молочницы, чтобы получше её рассмотреть – и у той внезапно отвалилась рука. Мальчик поспешно поставил статуэтку на место.

– Просто славное уединённое местечко, где мы можем восстановить силы, – отозвалась Пинчбек. – Здесь очень приятно будет провести время... После того как вы устроите небольшую уборку.

Заброшенный дом насквозь пропах плесенью, его стены пропитались холодом, глубоко въевшимся в кирпичи, однако в прочих отношениях он был вовсе не так уж плох. Если разжечь в камине хорошее пламя, здесь даже будет уютно, подумал Леандер. Сколько раз ему приходилось ночевать в местах куда как хуже!

– А кто здесь живёт? – спросил он.

– Мы, – улыбнулась Пинчбек, взъерошив ему волосы.

– А что, если владельцы дома вернуться? – поинтересовалась Шарлотта.

– Никто сюда не приходил с тех пор, как жившая здесь семья отбыла. – Пинчбек озорно подмигнула Леандеру. – Всем

в округе известно, что это проклятое место.

– Проклятое? Но почему?

– Потому что тут имели место исчезновения детей. – Пинчбек как-то очень нехорошо усмехнулась. – Ладно, хватит болтать, беритесь за дело! Мальчишки, отыщите где-нибудь дров и разожгите камин в маленькой гостиной. Спать я собираюсь в ней. Шарлотта, постели мне там постель, а завтра с утра проветри и подготовь спальню.

Шарлотта со вздохом скрестила руки на груди.

– Ладно.

– Извини, не расслышала?

– Да, мадам, слушаюсь, мадам. – Девочка кое-как растянула губы в улыбке и сделала издевательский книксен, но Пинчбек уже не смотрела на неё – занялась выниманием шпилек из своей причёски.

Мальчишки переоделись в экипаже, сменив костюмы для сеанса на обычную одежду – поспешно, потому что Шарлотте тоже вот-вот могла понадобиться их импровизированная гардеробная. У Леандера даже не было времени как следует постыдиться перед Феликсом своего ужасного нижнего белья: ясно было, что Пинчбек не потерпит, если они вздумают тормозить и не подготовят дом к ночлегу достаточно быстро. Леандер был ужасно рад сменить флуоресцентный наряд на замечательный сюртучок, подаренный Пинчбек. По сравнению с прежней его изорванной курточкой сюртучок был такой тёплый, и пуговицы все на месте, просто чудо. Невольно

улыбаясь, мальчик провёл руками по мягкой ткани.

– Леандер, шевелись, – окликнул его Феликс, который уже выскочил наружу и где-то разжился целой охапкой дров. – Там в деревянном сарае есть ещё, но среди полешек много отсыревших, так что ты каждое проверяй.

– Это очень в духе Пинчбек – знать подобные проклятые местечки, – пробормотала Шарлотта, в свою очередь выходя из экипажа после переодевания. Она тоже переоблачилась из нарядной одежды в обычную – в однотонное платье с фартуком. Через плечо у неё было перекинута свёрнутое одеяло, под мышками девочка несла две подушки. – Она обожает поиграть в хозяйку поместья, пользуясь для этого чужим имуществом.

Леандер хотел было спросить, что она имеет в виду, но девочка уже быстро удалилась в дом и захлопнула за собой дверь. По указке Феликса он пошёл за угол, обнаружил там сарай и вернулся с двумя большими охапками дров. В сарае дров осталось всего ничего, но по крайней мере этого хватало, чтобы хорошенько протопить помещение на ночь.

В гостиной имелся небольшой диванчик – немного пыльный и затянутый паутиной, но хороший, непродавленный. Шарлотта обтряхнула его и постелила постель для Пинчбек. Мальчики тем временем вычистили камин и растопили его, подкармливая робкое пламя кусочками дерева – сперва маленькими, потом побольше, – пока пламя весело не загудело, даря живое тепло. После этого Пинчбек бесцеремонно вы-

ставила их наружу и закрыла за собой дверь, чтоб напрасно не расточать жар.

Ребята притащили из экипажа оставшиеся коврики и покрывала и постелили их на кухне, возле холодной плиты. Для себя они тоже сэкономили немного дров и развели собственный огонь, хоть и меньше каминного. Втроём они уселись как можно ближе к плите и грели лица и животы, в то время как спины их отчаянно мёрзли.

– Надеюсь, здесь нету крыс, – сказал Леандер, нервно оглядывая тёмные углы кухни. Он никак не мог отделаться от воспоминания о жирной чёрной крысе, которая шныряла вокруг во время стоянки в лесу. Почему эта тварь так мало боялась людей? Если тут объявится такая же зверюга, ничто не помешает ей, например, пробежать по нему, когда он заснет... – Не то чтобы я боялся крыс, – добавил он поспешно. – Вовсе я их и не боюсь.

– Я уверена, что никаких крыс тут нет, – отозвалась Шарлотта. – Когда люди покидают дом, исчезает и еда. Крысам больше нет резона там оставаться, они тоже уходят.

Шарлотта

Феликс сидел за столом и с огромной любовью обихаживал свою скрипку. Снимал старую канифоль, полировал старинное дерево, пока оно не начало сиять в слабом свечном свете... А потом вдруг отложил скрипку и тихо-тихо вышел.

Леандер начал чуть слышно похрапывать. Шарлотта лежала без сна, слушая, как в полостях стен скребутся крысы. Она соврала Леандеру. Крысы наводняли все заброшенные дома, где им с Пинчбек в долгих странствиях случалось поселяться, – все без исключения. Когда-то Шарлотта была такой же безразличной по отношению к этим тварям, как Леандер. Она ведь выросла в богатстве и чистоте, всяких мусорных тварей и паразитов, считай, и не встречала всё детство. Но с тех пор как началась её новая жизнь, жизнь с Пинчбек, крысы стали неотъемлемой частью этой жизни. Не упомяни о них Леандер, Шарлотта бы и не заметила, что они скребутся и попискивают, настолько привыкла.

Да и мальчика пугать не хотелось. Впрочем, он тоже скоро привыкнет.

Шарлотта никак не могла перестать думать о том, что ждёт их дальше. Она была уверена, что троих сразу пленников Пинчбек не потянет. Три магических ковчежца требовали от ведьмы слишком много силы. Сегодня вечером она, конечно, была полна энергии и радости по поводу предстоящего замечательного сеанса, но совсем скоро она утомится, делается раздражительной и болезненной. Магия забирает у неё ресурс, а когда ресурс истощится... Она, конечно же, избавится от Леандера.

Ладно, скажем так – избавиться от одного из нас.

И это может быть только Леандер. Шарлотта с Феликсом слишком ценны. Пинчбек к ним привыкла – вон сколько она

держит их при себе, не нуждайся она в них обоих по-настоящему, давно бы избавилась. Когда Шарлотта или Феликс, как выражалась Пинчбек, выходили за рамки приличий, она угрожала заклятием отправить их по ковчезцам и захлопнуть накрепко на неопределённый срок. Шарлотта отлично знала, что Пинчбек на это более чем способна. Она то и дело вспоминала о малышке Розе, о том, как по воле Пинчбек она исчезла навечно, была просто вышвырнута во тьму внешнюю. Как бы сильно Шарлотте ни хотелось избавиться от этого назойливого, бестолкового уличного воришки, её ужасала мысль, что ему причинят подобное зло. Шарлотта не могла вынести, когда такое происходит с любым живым ребёнком, не только с Леандером.

Несмотря на это, дурачок Леандер ужасно её бесил. Она ведь предупреждала его, говорила с ним откровенно – и всё равно он упрямо верил, что Пинчбек намерена исполнять свои обещания. И так по-идиотски радовался, когда ведьма оказывала ему малейшие знаки привязанности. Должно быть, у бедолаги была воистину ужасная жизнь, если он оказался так падок на притворную доброту и заботу... Похоже, какое-то время он выживал вообще в одиночку, и Шарлотта не могла не сострадать ему по этому поводу. Но одновременно его присутствие страшно раздражало, потому что оно угрожало той худо-бедно налаженной жизни, которую последние годы вели они с Феликсом. Как ни ужасно жить в рабстве, альтернатива казалась куда ужаснее, и подумать

невообразимо.

Из-за кухонной двери слышались звуки скрипки Феликса. Каждую ночь с самого их знакомства он поднимался немного поиграть для себя, сочинял новые мелодии – нежные и скорбные, прекрасные и таинственные. Феликс редко говорил вслух о своих мыслях и чувствах, но Шарлотта знала, что он думает и выражает себя с помощью скрипичных струн. Нынешняя мелодия сперва звучала нервно, потом постепенно сделалась попросту грустной, и Шарлотта чувствовала, что он играет не просто так – а специально для неё.

Феликс

Феликс проснулся перед рассветом. Остальные двое ровно дышали, даже не шелохнулись, когда он встал. У них с Пинчбек давно существовало соглашение: прибыв на новое место, Феликс имел право позаниматься поисками своего пропавшего братишки. Он перекинул через плечо свой скрипичный футляр и вышел из дома наружу, в ледяную ноябрьскую темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.